

Военные
Приключения

ДВОЙКА ПО ПОВЕДЕНИЮ

ИРИНА ЛЕВИТ

Военные приключения (Вече)

Ирина Левит

Двойка по поведению

«ВЕЧЕ»

2020

Левит И. С.

Двойка по поведению / И. С. Левит — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8401-8

В престижной гимназии убивают учительницу. При этом похищена тетрадь, куда она записывала все прегрешения гимназистов, а также несколько личных вещей, среди которых золотое кольцо с натуральным рубином. Убитая, известная своим скверным характером, портила кровь многим: ученикам, их родителям, коллегам. Под подозрение попадают самые разные люди. Но во всем этом вместе с полицией разберется профессиональный психолог и просто любитель совать нос в чужие дела Аркадий Казик. Роман порадует всех поклонников классического детектива.

ISBN 978-5-4484-8401-8

© Левит И. С., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирина Семеновна Левит

Двойка по поведению

© Левит И.С., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1

– И так, вам все ясно, что и как надо сделать? – спросил далеко не старый, но уже совершенно седой господин.

– *Что* делать – мне ясно, – откликнулся его собеседник. – *Как* делать – решу сам. А вот *зачем* вам это нужно, я хочу понять.

– Почему вас это интересует? – поморщился седой господин. – Я договариваюсь с вами о конкретной работе, за это хорошо плачу, но совершенно не обязан докладывать вам о мотивах моего заказа.

– Не обязаны, – согласился собеседник. – Но я хочу их знать. Считайте, что я просто любопытен.

– Любопытны?

– Хорошо, я неправильно выразился. Любопытство здесь ни при чем, оно мне не свойственно. Но я предпочитаю знать мотивы. В противном случае чувствую себя пацаном, с которым играют в прятки. А эту игру я с детства не люблю. Или мотивы – это ваша страшная-пре-страшная тайна, и вы не раскроете ее даже под страхом смерти?

Седой господин явственно уловил усмешку и усмехнулся в ответ:

– То, о чем мы с вами договариваемся, уже тайна. И я признаю, что весь риск ложится на вас, а я в любом случае могу остаться в стороне. Даже если вы начнете виниться и каяться, всерьез приплести меня вам вряд ли удастся. Я действую без посредников, напрямую, о наших договоренностях не знает никто. С вашего, замечу, согласия я проверил: у вас нет никакого записывающего устройства. А потому все, что вы вознамеритесь предать огласке, останется лишь вашими заявлениями. Никаких фактов, никаких доказательств.

– Вот именно.

– А потому я не стану скрывать и мотивы. Все, что я затеял и что хочу осуществить с вашей помощью, – это месть. Да-да, всего лишь месть, которая на самом деле – Месть с большой буквы. Я солидный человек, но я вынужден был виться, как змей, пресмыкаться, как самое последнее пресмыкающееся, и терпеть всю эту унижительную дурь. Да, я мог послать все к чертям! Но меня схватили за самое слабое место, точнее – за единственное по-настоящему слабое место. А теперь меня схватить нельзя, ситуация изменилась. Зато теперь схватить могу я. И твердо намерен это сделать. Знаете, как нынче модно говорить? Я не злопамятный, просто злой и память у меня хорошая. И я хочу эту стерву крепко наказать за плохое поведение. Вас устраивает мой мотив? Или вы рассчитывали услышать что-то более серьезное?

– Этого мне достаточно. Это меня устраивает. Вполне...

Глава 2

– Ли-и-за!.. Ли-и-з!.. Ты что, оглохла?

Учительница русского языка и литературы гимназии № 20 Елизавета Максимовна Саранцева вздрогнула, поспешно оглядела пустой, по счастью, класс и резко повернулась в сторону, откуда раздавался наглый своим панибратством голос. Голос принадлежал белобрысому парню, чья голова торчала в узком проеме едва приоткрытой двери.

– А ты что, спятил?! – возмутилась Елизавета Максимовна. – Здесь мог быть кто-то из ребят!

– Да ладно! – Голова на мгновение исчезла, а затем появилась вместе с телом, долговязым и тощим, которое проскользнуло в кабинет, тихо прихлопнув задом дверь. – Я ведь знаю, никого у тебя нет.

Валерка Мухин, ученик одиннадцатого «А» класса, весьма выразительно фыркнул, отчего Елизавета Максимовна вознегодовала еще больше.

– Мы ведь с тобой, кажется, договорились! Ты мой сосед по лестничной площадке, для которого я просто Лиза где угодно, но не в школе. Здесь я учитель! И, между прочим, преподаю в твоём классе! Я взрослый человек и твой педагог! А если кто услышит?

– А если услышит, ты враз забудешь фамилию автора «Войны и мира»? – ехидно поинтересовался сосед по лестничной площадке, знавший свою нынешнюю учительницу с рождения и вовсе не повинный в том, что место его учебы совпало с местом ее работы.

– Это подрывает мой авторитет!

– Не место красит человека, а человек – место, – брякнул Мухин и вмиг стал серьезным до суровости. – Закопалась тут в своих тетрадках и знать не знаешь, что у тебя за стенкой происходит.

– А что происходит? – насторожилась Лиза.

– Химозу в собственном классе грохнули.

– Как грохнули?

– Отверткой прямо в горло! Она сидит, то есть наполовину лежит за своим столом, вся в крови.

– Галина Антоновна? В кабинете химии? – ошарашенно уточнила Лиза.

– И совершенно мертвая, – внес в свою очередь уточнение Валерка.

Лиза посмотрела с сомнением, сняла с маленького носа аккуратные очки, несколько секунд повертела их в руках, водрузила на место и спросила вкрадчиво:

– Валера, это такая злая шутка?

– Какая шутка?! – неожиданно перешел на шепот Мухин. – Нас вчера химоза заловила с Линкой Томашевской и пригрозила: если мы сегодня утром не притащим ей лабораторные работы, она нам не просто двойки, а колы вкатит. Мы перемены после первого урока дождались – и к ней в кабинет. А там никого нет, только сама химоза – вроде как сидит у стола, на спинку стула отвалилась и отдыхает. Мы сначала не поняли, что к чему, а поближе подошли... Мать родная! Химоза с закрытыми глазами, не дышит, в горле отвертка, а на столе кровь. Линка чуть не завопила, но, молодец, удержалась. Я Линку в коридоре у двери оставил, вроде как караулить, а сам на второй этаж к директрисе. Капитоша директрисина мне наперерез, дескать, куда к Кире Анатольевне без доклада, а я ей про химозу. У Капитоши чуть челюсть на пол не брякнулась. Она мне велела в приемной оставаться, а сама шмыг в директорскую. Потом они высказывают – Капитоша, Кира Анатольевна и еще какой-то мужик, толстый и лохматый, но он не из нашей школы. Директриса мне допрос устроила и такой же дурацкий, как и ты, вопрос про злую шутку задала. А я ей ответил, что я не долбанутый мозгами, чтобы такие шутки шутить. Ну вот, директриса, Капитоша и тот мужик неизвестный вниз понеслись, по

дороге начальника охраны прихватили и – в кабинет химии. Нам с Линкой велели в коридоре дожидаться. Линка дожидается, а я – к тебе.

– Ужас! – выдохнула Лиза.

– Конечно, ужас, – подтвердил Мухин. – И для тебя, между прочим, тоже.

– Для меня?

– А для кого же? В этом «аппендиксе» только два кабинета – твой и химозин. Ни у тебя, ни у нее первой пары нет, вы тут с утра вдвоем сидите. Химозу грохнули, а ты якобы ничего не слышала.

– Я, правда, не слышала! – воскликнула Лиза, вскочила с места и кинулась из класса.

В маленьком холле, отделявшем «аппендикс» от основного здания, топтался охранник Толя, перегораживая случайным или не случайным ходакам путь к месту преступления. Рядом с ним переминалась с ноги на ногу первая школьная красавица Лина Томашевская. Завидев Саранцеву и Мухина, охранник на мгновение напрягся, но, похоже, решил, что эти двое и так уже находятся на охраняемой территории, а потому выпроваживать их не следует. Опять же пацан не просто здесь крутится, он вместе с красоткой все и обнаружил, да и учительница с ним. Единственное, что сделал, это, пропустив в кабинет химии Лизу, притормозил Валерку у дверей.

В кабинете находились директор гимназии Кира Анатольевна Рогова, ее секретарша Капитолина Кондратьевна Бабенко и неизвестный мужчина весьма забавной внешности – невысокий, пузатый, с вихрастой головой и большим носом. Рогова мрачно смотрела на мертвую учительницу химии Галину Антоновну Пирогову, Капитолина Кондратьевна (или Капитоша, как абсолютно все звали секретаршу за глаза, а иные и в глаза) испуганно таранилась на начальницу, и только мужчина водил взором по всему классу, словно пытаясь что-то выискать. При появлении Лизы все разом обернулись в ее сторону, и Рогова строго спросила:

– Вы были в своем классе?

Лиза кивнула.

– А здесь такое несчастье, такое несчастье... – запричитала Капитоша и, едва ли не захлебываясь словами, торопливо передала то, что уже сообщил Лизе Валерка.

– Вы ничего не слышали? Шум, может, крик? – вновь задала вопрос директор.

– Нет, все было тихо. У нас ведь здесь, если ребята на урок не приходят, всегда тихо. А потом стены толстые... А я сочинения проверяла... – принялась оправдываться Лиза.

– Не волнуйтесь, – адресуясь вроде как сразу ко всем, сказал неизвестный мужчина. – Сейчас приедет полиция, разберется, а для вас сейчас самое главное – сохранять хладнокровие.

– Хладнокровие?! – прямо-таки взвилась Рогова. – Да вы что, Аркадий Михайлович? Вы, конечно, психолог. Вам хладнокровие по профессии положено! А нам как быть?! У нас образцовая гимназия! С многолетними традициями! С огромным авторитетом!

– Мы – лучшая гимназия в городе! – пискнула Капитоша.

– И у нас происходит убийство! Вы представляете? Убийство! Причем учителя, проработавшего здесь тридцать лет! Учителя, который воспитал тысячи учеников!

– А, может, это случайность? Может, Галина Антоновна сама себя как-то случайно?.. – вновь пропищала Капитоша, причем с откровенной надеждой.

– О чем ты... о чем вы, Капитолина Кондратьевна, говорите? – досадливо скривилась Рогова. – Сама себя отверткой в шею?.. Разве так бывает?..

Директор метнула взгляд в мужчину, и в этом взгляде, как ни странно, тоже вспыхнула пусть слабая, но надежда.

– Думаю, – изрек мужчина, – вариант случайности, а также вариант самоубийства здесь наверняка придется исключить. И дело не в психологии, – он печально улыбнулся, – хотя и в психологии, конечно, тоже, если иметь в виду самоубийство. Подобный способ – это дикость.

Но я чисто практически не представляю, как можно, тем более случайно, вогнать себе в шею отвертку почти по самую рукоятку.

– Кошмар! – трагически произнесла Рогова.

И в этот момент дверь распахнулась, и в сопровождении начальника школьной охраны в класс буквально ввалились несколько человек.

Лиза никогда не представляла, что следователь может выглядеть именно так – молодой, в голубых джинсах, яркой пестрой рубашке, с веселыми глазами и ухмылкой на пухлых губах.

– Старший следователь Семен Семенович Горбунов. Не путать с персонажем «Бриллиантовой руки». Он был Горбунковым! – едва ли не со смешком проинформировал следователь. – А вы, значит, школьные товарищи?

– Я – директор гимназии Кира Анатольевна Рогова.

Вид при этом у главной начальницы стал подчеркнуто строгий и величественный.

Горбунов, явно уступающий директору в росте, посмотрел снизу вверх и тут же опустил глаза, уставившись на крошечную, похожую на цыпленка из голодного курятника Капитошу.

– Я – секретарь директора Капитолина Кондратьевна Бабенко. В этой школе, между прочим, почти сорок лет! – отчего-то с укором произнесла Капитоша.

Следователь переместил взор строго по горизонтали, упершись в Лизу, которая была выше секретарши от силы на сантиметр.

– А вы ученица?

– Учительница. Русского языка и литературы. Елизавета Максимовна Саранцева, – сухо проинформировала Лиза.

– Между прочим, два года назад стала победителем городского конкурса «Лучший молодой учитель!»! – встала Капитоша.

– Да ну? – удивился Горбунов, причем непонятно чему: то ли званию лучшего учителя, то ли тому, что победительница уже успела закончить школу.

К подобной реакции Лизе по идее давно следовало привыкнуть, но ей это никак не удавалось, она каждый раз обижалась, скрывая свою обиду за подчеркнутой строгостью.

– Я работаю четыре года, – сочла нужным уточнить она, на что следователь откровенно хмыкнул:

– Это ж надо! – И тут же спросил, обращаясь к единственному в этой школьной компании мужчине: – А вы чему детей учите?

– Психологии. Только не детей. Хотя некоторые все-таки совершеннейшие дети, но уже успевшие стать студентами. Я – доцент кафедры психологии педагогического университета Аркадий Михайлович Казик. Вас интересует, как я оказался здесь?

– Интересно, – подтвердил следователь.

– Дело в том, что руководство гимназии, – Казик отвесил легкий полупоклон в сторону Роговой, – обратилось к нашей кафедре с предложением провести серию психологических тренингов для преподавателей и родителей. Сегодня утром я пришел к Кире Анатольевне, чтобы обсудить детали сотрудничества, и вот в разгар нашего обсуждения... – он вновь отвесил полупоклон, но уже в сторону стола, за которым возился эксперт, – выяснилось такое скорбное обстоятельство.

– Вовремя вы, однако... – совместил улыбочку с недоверчивым прищуром Горбунов.

– Вы подозреваете, что я явился сюда с утра пораньше убить учительницу, а затем провести деловые переговоры с директором? – поинтересовался Казик, начисто проигнорировав и улыбочку, и прищур.

Весь его вид явственно говорил: я понимаю кое-какие ваши намерения, но все это пустое, и меня нисколько не тревожит.

– Да не мог он с утра пораньше никого убить, – подал вдруг голос эксперт и, оставив свою возню около тела Пироговой, подошел к следователю. – Она со вчерашнего вечера мертва. Как

у нас в таких случаях говорят, вскрытие, конечно, покажет, – сообщил он коллегам учительницы, – но, как показывает мой опыт, умерла она, – тыльной стороной ладони эксперт подпернул рукав рубашки, глянул на часы, – где-то между девятью и десятью часами вечера.

– Занятно, занятно... – то ли обрадовался, то ли озадачился Горбунов. – Ну что ж, отправная точка есть, сейчас сниму показания с ваших ребятишек... в вашем, разумеется, присутствии, – покивал он в сторону учителей, – чтоб с несовершеннолетними все по закону было. А потом пообщаемся насчет вчерашнего вечера.

– Вы собрались снимать показания с детей и общаться с нами прямо здесь? – Рогова покосилась в сторону мертвого тела.

– Да лучше бы где-нибудь в другом месте, поблизости, – сказал Горбунов.

– Можно в моем классе. Это здесь, за стеной, – осторожно предложила Лиза. – Только у меня урок должен начаться...

– Какой урок?! – в сердцах воскликнула директор. – Никакого урока не будет! И вообще... уже, наверное, вся школа в курсе, и никакого нормального учебного процесса сегодня тоже не будет. А завтра весь город будет говорить!.. – Кира Анатольевна вдруг с силой схватила Горбунова за рукав пестрой рубашки, дернула на себя. – Вы должны во всем разобраться! Но чтобы не пострадала репутация нашей гимназии!

И она грозно воззрилась на следователя.

Горбунов слегка отпрянул, выдернул локоть из цепких пальцев, произнес без своей ухмылочки, напротив, весьма ворчливо:

– У вас гимназия с репутацией, а у меня работа с трупом. И одежду мне нечего рвать. – После чего двинулся к двери, скомандовав: – Показывайте, где общаться станем.

Лиза почему-то думала, что он разместится за учительским столом, но Горбунов выбрал парту, разложив перед собой папку с бумагами.

– Гена, веди тех ребят! – вновь скомандовал он на сей раз оперативнику. – А вы, Кира Анатольевна, правильность их показаний подпишете. Как уполномоченное лицо и как руководитель... – он в очередной раз хмыкнул, – образцовой гимназии.

Рогова ничего не ответила, лишь губы поджала.

Показания давал в основном Мухин. Лина Томашевская лишь слегка покачивала головой в знак согласия и при этом, усевшись за парту через ряд и представив всю себя полному обзору молодого следователя, весьма выразительно выставила вперед свои изумительные ноги.

Горбунов, однако, сделал вид, что напрочь не замечает ни эти изумительные ноги, ни все остальное, тоже изумительное, чем вверх первую красавицу в некоторое уныние. Лина явно рассчитывала произвести эффект, а «произвела» лишь сухой протокол.

– Почему вы спрашивали Валеру с Линой, что они делали вчера с девяти до десяти вечера? – строго спросила Кира Анатольевна после того, как за ребятами закрылась дверь.

– Потому что в это время убили вашу учительницу химии, – напомнил Горбунов.

– Вы подозреваете кого-то из детей?! – немедленно возмутилась Рогова.

– Во-первых, насколько записано в протоколе, им по семнадцать лет. Так что не совсем уж и дети, – спокойно отреагировал на директорское негодование следователь. – А во-вторых, мне придется и других спрашивать, где они были и чем занимались в это время. Вот вы, например?

– Я?!

– Ну да. А что такого?

– Я ушла вчера из гимназии в половине пятого, – холодно проинформировала Кира Анатольевна. – Между прочим, в мэрию, где в департаменте образования было совещание. Оно продлилось где-то до семи. Потом я беседовала с руководителем департамента... А где-то в девятом часу вернулась домой.

– А вы? – следователь уставился на секретаршу.

– Я ушла из школы в пять. Я прихожу на работу к восьми и ухожу обычно в пять, если, конечно, мне не приходится задерживаться по просьбе директора. Но вчера Кира Анатольевна меня ни о чем таком не просила, и я пошла домой, по дороге еще в магазин заглянула... – залепетала Капитоша, ежесекундно кидая взгляды на Рогову, словно ожидая, что та все непременно подтвердит, и образцовой секретарше не станут больше задавать странные вопросы.

– Да, все именно так, – не оставила свою помощницу без поддержки директор.

– Вы, между прочим, покинули школу в половине пятого, – не преминул заметить следователь. – Так что вы тут не свидетель.

– Зато я – свидетель, – решила соблюсти справедливость Лиза. – У меня урок был до половины восьмого вечера. А в районе пяти я видела, как Капитолина Кондратьевна уходила из школы.

– До половины восьмого, значит? – оживился Горбунов. – И вы находились именно здесь, по соседству с Пироговой?

– У Галины Антоновны тоже была последняя пара.

– Что за пара?

– У нас вузовская система, – сочла нужным пояснить Лиза, – у нас уроки сдвоенные.

– И что вы делали после вашей последней пары?

– Ушла домой. Но прежде заглянула к Галине Антоновне попрощаться.

– Какие у вас, однако, церемонии!..

Ехидный тон Горбунова Лизу задел. Он что – циник от профессии или сама Лиза ему кажется смешной? Циники ей не нравились, а казаться смешной ей не нравилось еще больше. Лиза не давала никакого такого повода, и даже если у нее внешность несолидная и она, как не преминул уколоть смешливый следователь, больше похожа на ученицу, нежели на учительницу, это вовсе не означает, что с ней можно обращаться, словно с девчонкой из песочницы. В конце концов, сам Горбунов тоже похож не на стража порядка, а на пижона, забежавшего на место преступления по дороге из ночного клуба.

– Дело здесь не в церемониях, – сказала Лиза назидательно. Так обычно она разговаривала с двоечниками, пытавшимися «гнать пургу». – Дело в том, что в этом отсеке, если вы успели заметить, только два кабинета – мой и Галины Антоновны. А наш коридор без окон, и потому здесь всегда включены лампочки. Так вот, когда кто-то уходит насовсем, он предупреждает, чтобы другой, уходя, свет выключил. Не знаю, как полагается у вас, – она послала Горбунову язвительную улыбку, – но у нас принято экономить электричество.

– Совершенно верно, – в тон Лизе подтвердила Рогова.

– Замечательно! – разулыбался в ответ Горбунов. – Я имею в виду и борьбу за экономию, и тот факт, что, судя по вашим показаниям, в районе восьми вечера Пирогова точно была жива-здоровая и находилась в своем кабинете. Но тогда еще один вопросик. – Он в мгновение сбросил свою улыбочку и въедливо уставился на Лизу. – Вы сегодня утром когда появились на работе?

– В восемь.

– А свет в коридоре горел?

– Не-е-т... – слегка растерялась Лиза.

– Так что же получается, – спросил следователь, – Пирогова осталась в своем кабинете, а свет тем не менее был выключен? – Он переместил взор на Киру Анатольевну. – Ваши охранники ночью дежурят?

– Разумеется!

– А помещения, когда все уходит из школы, проверяют? Чтобы свет опять же включенным не оставили, чтобы двери в кабинетах были заперты?..

– Это входит в их обязанности.

– Тогда почему никто не обнаружил незапертый кабинет химии?

Кира Анатольевна помрачнела.

– Охранники знают, что мы всегда свет выключаем, кабинеты запираем и дверь в отсек прикрываем. Они, наверное, увидели прикрытую в отсек дверь и дальше никуда заглядывать не стали, – быстро проговорила Лиза, на что Рогова отрезала:

– Не занимайтесь заступничеством, Елизавета Максимовна! Люди нарушили свои должностные обязанности, а в результате...

– Да, мы имеем интересный результат, – оборвал гневную тираду Горбунов. – Тот, кто убил вашу учительницу, знал, что электричество надо экономить, а дверь в коридор прикрывать.

– Вы подозреваете кого-то из нашей гимназии? – Уже не просто помрачнела, а налилась гневом директор.

– А кого я должен подозревать? – ошетинился следователь. – Или у вас здесь проходной двор?

– У нас здесь не проходной двор. Но и не режимный объект. У нас школа работает до позднего вечера! У нас две смены! У нас факультативы, кружки, спортивные секции!.. Вы, конечно, не знаете, – сказала она ядовито, – но наша гимназия полностью следует сегодняшним установкам, согласно которым учебные заведения должны быть центрами не только предоставления базовых знаний, но и дополнительного образования, а также обеспечения полноценного досуга! А потому наши двери открыты и для детей, и для их родителей, и для...

– До какого часа эти ваши двери открыты? – перебил Горбунов.

– Все мероприятия заканчиваются к двадцати двум часам.

– Я хочу получить полную информацию, какие такие мероприятия у вас проводились вчера вечером, и кто принимал в них участие.

– Вам будет все предоставлено, – сухо пообещала Рогова.

– Распорядитесь также вызвать охранников, которые вчера вечером дежурили.

– Разумеется.

– И еще... – Следователь на мгновение задумался, и в этот момент в кабинет вошел оперативник.

– Семен Семенович, мы вещички Пироговой собрали, надо что б товарищи вот, женщины особо, посмотрели. Все ли на месте, не пропало ли что... Может, они знают?

«Вещичек» было немного. Плащ, шарфик, вываленное на парту содержимое сумочки – ключи, записная книжка, расческа... еще несколько мелочей и кошелек. В кошельке лежали четыре магазинные карточки со скидками и шестьсот пятьдесят восемь рублей.

– Галина Антоновна обычно много денег с собой не носила, – сочла нужным проинформировать Капитоша. – Она вообще много вещей с собой не носила.

– А мобильный телефон? – уточнил следователь.

– Мобильный телефон у нее был, – подтвердила секретарша.

– А теперь его нет, мы все проверили. Плащ, шарф и сумка лежали в другой комнате, судя по всему, лаборантской, – констатировал оперативник и добавил: – Вы теперь на тело посмотрите. Может, на теле чего не хватает?

– Как на теле не хватает?! – перепугалась Капитоша и даже зажмурилась.

– Ну, брошки какой-нибудь... или еще чего... Вон, сережки-то есть, – буркнул оперативник.

– Капитолина Кондратьевна, – строго сказала Рогова, – оставьте свои эмоции. Вы у нас все про всех знаете, извольте посмотреть.

И директор решительно двинулась к полулежащей на стуле Пироговой. Верная секретарша вся скукожилась, но поплелась следом. Лиза потопталась на месте и тоже приблизилась к мертвой Галине Антоновне.

Капитоше хватило буквально одного боязливого взгляда, чтобы тут же ойкнуть и запричитать:

– Золотого медальона на золотой цепочке нет. Мы это всей гимназией дарили Галине Антоновне на пятидесятилетие. Кира Анатольевна, вы ведь помните?

– А? Да. Помню. Конечно, помню.

– И колечек нет. Тоже золотых. Одно широкое, обручальное, с гравировкой, от покойного мужа Галины Антоновны. А второе массивное такое, с рубином...

– С корундом, – поправила Рогова.

– Корунд – это что? – заинтересовался следователь.

– Это, – с готовностью отвернулась от мертвой коллеги Кира Анатольевна, сосредоточившись взглядом на Горбунове, – почти то же, что рубин, но это не драгоценный камень. Натуральные рубины очень дорогие, а корунды... вполне доступные. Их, кстати, специально выращивают, от рубинов по внешнему виду они практически не отличаются. Разве что специалист определит.

– Понятненько, – кивнул Горбунов. – Так и запишем: кольцо из желтого металла с красной вставкой, предположительно, золотое с корундом. – И уточнил: – Больше ничего не пропало?

– Нет, кажется, ничего, – в один голос заверили директор с секретаршей.

– Пропало, – осторожно произнесла Лиза.

Рогова и Капитоша посмотрели на нее с удивлением.

– Пропала такая толстая тетрадь в светло-коричневой замшевой обложке. Когда я вчера вечером заходила сюда, Галина Антоновна как раз ее в руках держала. А теперь я тетради не вижу.

– Не было никакой тетради, – заверил оперативник.

– Что за тетрадь? – заинтересовался следователь.

– Ах, эта?! – вновь в один голос воскликнули Рогова с Капитошей.

– Ну да, – подтвердила Лиза, – кондуит Галины Антоновны.

– Дело в том, – сочла необходимым самой пояснить директор, – что Галина Антоновна вела специальную тетрадь, в которую записывала предварительные оценки учеников... прежде, чем выставить их в классный журнал... и еще... – Рогова слегка запнулась, нахмурилась, после чего продолжила с некоторым смущением: —...все прегрешения ребят. Это касалось и непосредственно учебы, и поведения... В общем, она все фиксировала, чтобы в конце четверти или полугодия иметь определенную картину в отношении каждого ученика. Поэтому ребята и называли эту тетрадь кондуитом.

– Занятно... – отреагировал Горбунов. – И теперь эта драгоценность пропала вместе с другими драгоценностями.

Директор развела руками – дескать, странно, очень странно, однако добавить нечего.

– Кстати, ваша учительница часто открывала окна? – вдруг спросил полицейский, что-то разглядывающий в углу кабинета.

– Она любила свежий воздух! – выпалила Капитоша. – Но на ночь никогда не оставляла, что вы! Здесь же первый этаж!

– Да? Так вот крайнее окно не до конца закрыто. Если бы ночью ветер сильный подул, тут все было бы нараспашку.

– Ну, конечно! – не то с возмущением, не то с облегчением воскликнула Кира Анатольевна. – Открытое окно! Вы понимаете?! Преступник воспользовался открытым окном!

– Технически это возможно, – не стал спорить полицейский.

– Примем это за одну из версий, – согласился в свою очередь следователь. – Но тем не менее давайте разбираться: кто вчера вечером находился в школе?

Глава 3

Все последние сутки Аркадий Михайлович Казик пребывал в совершенно удивительном настроении. Сколь ни банальным было сравнение, но он ощущал себя птицей, долго сидевшей в клетке и вдруг выпущенной на волю. С той лишь разницей, что птица, привыкшая в неволе получать пищу из рук, не способна на самостоятельный прокорм, а Казик, обретя свободу, первым делом устроил себе настоящее пиршество.

По сути именно пиршество, ничем не ограниченное и никем не осуждаемое, и было главной ценностью этой самой свободы.

Всю жизнь сестра Аркадия Михайловича Софочка, похожая на скелет, слегка прикрытый тонкой кожей, воевала со своим толстяком братом, который никак не желал расставаться с лишними килограммами.

Всю жизнь она «пилила» обжору за страсть к вкусной, но нездоровой пище, придумывая разнообразные низкокалорийные диеты.

Всю жизнь она боролась с бесконечными ухищрениями изворотливого хитреца по добыче всевозможных лакомств и почти каждый раз терпела поражение.

Аркадий Михайлович обожал сытно поесть и свою любовь отстаивал с фантастической виртуозностью.

Брат с сестрой долгие годы жили вместе, причем душа в душу, но при этом в состоянии нескончаемой битвы за каждую котлету, пирожок и конфету. Они привыкли к кулинарному противостоянию, не расставаясь, однако, с мечтой, о личной победе.

И вот вчера Аркадий Михайлович обрел свободу – от диеты, порицаний и уверток. Случилось то, чего не случалось уже давным-давно, – Софочка уехала, причем далеко, в Германию.

Эта поездка – недельное путешествие по стране плюс две недели пребывания в лучшем санатории Баден-Бадена – считалась работой. Один весьма состоятельный бизнесмен решил отправить за границу свою мать, женщину далеко не старую, тихую и интеллигентную, обеспечив ей комфорт по высшему разряду, включая наперсницу со знанием немецкого языка.

Поначалу Софья Михайловна, несмотря на обещание полного пансиона и вдобавок хорошего денежного вознаграждения, категорически воспротивилась. Но в конечном счете сдалась. Вняла увещаниям бизнесмена, который разве что слезы не лил по поводу своей матери, нуждающейся в лечении и отказывающейся ехать на курорт в одиночку, а также уговорам брата, дескать, Софочке самой необходимо подлечиться на баден-баденских водах.

– Ты должен мне клятвенно пообещать, – потребовала сестра во время проводов в аэропорту, – что не будешь обжираться.

Именно это больше всего волновало ее с самого начала и до самого конца.

– Обещаю, душенька! – горячо заверил Аркадий Михайлович, после чего, помахав рукой взлетающему самолету, тут же направился в супермаркет, где накупил полную тележку всякой снеди, включая копченую курицу, буженину, соленую семгу и большой торт.

Никаких укоров совести он не чувствовал. Да, он обещал не обжираться. Но он и не собирается этого делать. Он просто вкусно поест на воле.

Ополовинив курицу, умяв два внушительных бутерброда с бужениной и семгой и напоследок полакомившись доброй третью торта, Аркадий Михайлович улегся спать с блаженством в душе и желудке.

Спал он превосходно и даже проснулся спозаранку без всякого будильника. Завтрак тоже устроил себе знатный, после чего в самом радужном настроении отправился на встречу с директором гимназии № 20.

Кира Анатольевна Рогова произвела на него солидное впечатление. Высокая статная женщина лет пятидесяти, с умелым макияжем и аккуратной короткой стрижкой, умными глазами

и хорошо поставленным голосом, она держалась с достоинством и уверенностью человека, знающего цену и себе, и своей гимназии. Судя по всему, решил Казик, в свое время Рогова успела побывать в комсомольских лидерах, затем еще в каких-нибудь общественно-политических активистах, где и выучилась говорить решительно, с неким оттенком пафосности, четко подбирая нужные слова.

– Вы прекрасно понимаете, что наша гимназия много, очень много лет, – подчеркнула она, – занимает ведущие позиции в системе образования города.

Казик кивнул.

– Именно в нашей гимназии прошли апробацию самые передовые методики обучения, в том числе инновационного...

Казик снова кивнул.

Дальше последовало краткое, но емкое перечисление всех заслуг вверенного Роговой учебного заведения за всю его восьмидесятилетнюю историю, а особенно за последние годы, и Казик вновь кивал, поймав себя в какой-то момент на мысли, что напоминает китайского болванчика.

У Киры Анатольевны, похоже, никаких таких ассоциаций не возникло, напротив, подобная реакция гостя показалась ей совершенно правильной, о чем она не преминула сообщить:

– Сразу видно, вы понимающий человек и прекрасно сознаете, насколько важно, чтобы в нашей гимназии был самый оптимальный морально-психологический климат.

– Конечно, конечно, – заверил доцент кафедры психологии педуниверситета, и в этот момент в кабинет буквально ворвалась секретарша со словами: «Галина Антоновна Пирогова мертвая в своем кабинете!»

Ну а дальше понеслось... И морально-психологический климат испортился напрочь, потому что в образцовом заведении убийство – это не просто беда, а самая настоящая катастрофа.

Всю вторую половину дня Аркадий Михайлович мучился искушением позвонить своему хорошему приятелю – замначальника городского уголовного розыска майору Борису Борисовичу Орехову. Однако он представлял, как отреагирует Борис Борисович: «Казик! Вы опять влезли своим могучим шнобелем в грязную дыру?» И придется объяснять, что ничего не попишешь, коли вот так – да, не первый раз! – сложились обстоятельства, и шнобель, то бишь нос, тут ни при чем. Просто вот такое его, Казика, еврейское счастье.

Нельзя сказать, что происшествие в школе Аркадия Михайловича выбило из колеи. В конце концов, он действительно не первый раз попадал в подобные истории (порой случайно, а иногда намеренно) и неизменно старался «остаться» в этих «историях», потому как имел такое хобби. Помимо занятий психологией он любил заниматься расследованиями и даже в свое время имел лицензию на частную детективную практику. Но это было еще в Киеве, где он жил с рождения и откуда вынужден был практически бежать, потому как есть «дыры», в которые разумные люди никогда не суют свой нос, если не хотят потерять его вместе с головой. А он вот сунул и теперь обитал в Сибири. Причем затихнув на некоторое время, все же не утерпел и влез в новое дело, а потом еще в одно, и еще... и таким образом подружился с Борисом Борисовичем Ореховым.

К вечеру душа Аркадия Михайловича совершенно изсуделась, он уже взял трубку телефона, чтобы позвонить майору, но трубка вдруг залилась трелью.

– Казик! Вы опять ищите приключения на собственную задницу?

– Ой! – обрадовался Казик. Ключевую фразу про шнобель Орехов, похоже, решил заметить, но не слишком преуспел в своих фантазиях – всего лишь переключился на иную часть тела. – Я рад! Очень рад вас слышать!

– А уж как я рад!.. Прямо на седьмом небе, – съехидничал майор. – Читаю дело по Двадцатой гимназии, ба! Знакомый персонаж. В нужное время в нужном месте! Ну что у вашего шнобеля за нюх?

Нет, все-таки могучий нос Казика продолжал будоражить воображение курносого Орехова, и Аркадий Михайлович хихикнул в ответ:

– Каков размер, таков и масштаб нюха. А разве этим делом занимаетесь вы? Вроде бы приезжали из райотдела. Или вы, обнаружив знакомый персонаж, тоже решили поискать приключения?

– Куда там! – досадливо хмыкнул майор. – Оно меня само нашло.

– Тогда есть предложение. Вы сейчас приедете ко мне на ужин.

– Хотите за мой счет налопаться? – вновь хмыкнул, но уже без всякой досады Орехов. – Рассчитываете, что ваша дражайшая сестрица по случаю возникновения гостя выделит вам не только свекольную запеканку и тертую морковку, но и что-нибудь посущественнее?

– А вот и нет! Совсем даже нет! – возликовал Казик. – Моя Софочка вчера отбыла в Германию. На целых три недели! И я теперь сам хозяин своему желудку!

– Да ну?.. – поразился майор. – Уехала и оставила вас без присмотра? И не залепила вам рот пластырем?

– Свиные отбивные с жареной картошечкой, помидорчики с огурчиками, соленая семга и торт вас устроят?

Вместо ответа в трубке явственно послышался звук сглатываемой слюны.

Ели они не спеша, с удовольствием и почти молча. Если не считать редких реплик майора по поводу райской жизни, которую устроил себе Казик за спиной сестры, но за которую ему придется горько расплачиваться.

– Придется, придется... – соглашался Аркадий Михайлович без особой, впрочем, печали.

Расплачиваться придется через три недели, а отбивные, картошечка, жирная семга и торт – они здесь и сейчас.

– Ух, и голодный же я был! – признался Орехов, отваливаясь от стола и вытирая пышные светлые усы, отрошенные, похоже, назло почти совершенно лысой голове. – Я очень уважаю Софью Михайловну, но спасибо, что она не моя сестра.

И он погладил себя по упитанному животу.

– Каждому свое, – многозначительно изрек Казик и тоже погладил себя по животу, еще более объемному, нежели у Орехова. – Поговорим о делах на кухне или предпочитаете в комнате? – спросил он.

– Да ну их, эти церемонии! – отмахнулся майор. – Здесь потолкуем. Опять же, – он оглядел тарелки с остатками еды, – может, еще что в рот положить захочется. – После чего стал совершенно серьезным и продолжил: – Значит, дело Пироговой из райотдела нам передали. На радость мужикам районным...

– Это потому, что гимназия такая... очень известная?

– Это много почему. Конечно, сама гимназия!.. Элита наикрутейшая! Есть элитные коровы, а есть элитные детишки... Особенно если родители за это хорошо доплачивать готовы. Так что сама гимназия – это, во-первых. Во-вторых... Уж поверьте мне, Казик, не один год в полиции служу, но никогда такого не было, чтобы прямо в школе учителя пристукнули до смерти. Скандал, конечно, на весь город, а то и на всю страну! Ну и, в-третьих... Пирогова эта не просто учительница... Это очень даже особый человек!

Орехов пошевелил усами, поиграл бровями, прицокнул языком. Получилось довольно забавно, и Казик не удержался от подкола:

– Она что, разведчик-нелегал, внедренный в элитную гимназию, дабы разведать тайны воспитания элитных детей?

– Вам бы все хохмить! – неожиданно нахмурился майор и произнес укоризненно: – Она сестра бывшего замначальника областной ГИБДД. Вот так.

– Бывшего? – уточнил Аркадий Михайлович.

– Николай Антонович Пирогов скоростно умер нынешним летом. Причем тоже при исполнении. – Орехов перехватил заинтересованный взгляд Казика и еще больше нахмурился. – Да не ищите вы здесь никаких тайн! Инфаркт у него случился. Прямо за рабочим столом. Мужу еще полтинник не справили, а мужик хороший был... правильный... его все уважали. Даже автомобилисты. Представляете?

– Н-да... – протянул Казик. Что б еще и автомобилисты уважали? Прямо диво-дивное.

– Его летом схоронили, а сестру вот, пожалуйста, в сентябре хоронить придется. Сестра с братом, говорят, сильно дружили. Уж так она по нему убивалась!.. Так вот коллеги наши дорожные как узнали, что Пирогову кто-то на тот свет отправил, тут же на дыбы поднялись. И все наше руководство на дыбы подняли. Вроде как дело чести. Ну а мы что? У нас эта самая... корпоративная... солидарность тоже имеется. Поэтому дело быстро нам, в город, передали. Хотя ребята районные хорошо поработали, по первому слою основательно порыли... Все бы да всегда бы так...

– Там довольно любопытный следователь был... Горбунов, – заметил Аркадий Михайлович.

– Семен Семеныч? У него прозвище – «Бриллиантовая рука». По виду человек не шибко серьезный, некоторые на это попадаются, а на самом деле рука у него пусть не бриллиантовая, но точная, а вот глаз – и впрямь алмаз. Все, что можно разглядеть, – разглядит и на свет белый вытащит. Я его протоколы внимательно прочитал, да еще с ним пообщался. Несколько версий вырисовываются.

– Самая бесперспективная для вас, но самая привлекательная для гимназии это, конечно, грабитель, залезший в окно?

Орехов потер усы, что обычно означало смесь раздумья с сомнением.

– Я вам, Казик, так скажу. Версия эта для нас, конечно, тяжелая. Хотя вполне реальная. Кабинет этот в одноэтажной пристройке находится. Горбунов полюбостовал, и ему секретарша директора, она лет сорок в школе работает, рассказала, что, когда это здание соорудили, думали в пристройке столовую организовать. А потом, как у нас бывает, выяснилось, что основные коммуникации совсем к другому месту протянули, и столовую надо переносить. Вот тогда здесь и устроили два кабинета да еще небольшой коридор. В одном кабинете кто только ни сидел, сейчас вот литераторша обосновалась. А в другой сразу химиков посадили, еще им лаборантскую выгородили. Где лаборантская, там сплошная стена, к ней примыкает часть основного здания. Получается вроде буквы «Г». Так вот, где эта часть основного здания, там всего одно окно – из кабинета труда или, как теперь по-современному называют, – технологии. Около этих стен да вдоль окон кабинетов химии и литературы – самое глухое место. Деревья с кустами, дорожка, как лесная тропа, и забор из бетонных плит, за которым дом какой-то маракуют. Школьнички-то в этом глухом месте любят кучковаться на перекуры, а кроме них, там обычно никто и не ходит. Но!.. – Орехов воздел палец к потолку и вроде как им погрозил. – Обычно не ходит, но мог кто-то и забрести. Алкаш какой-нибудь, бомж... да мало ли. А тут свет в окнах светится, тетка одна-одинешенька сидит, еще и окно открыто. У тетки сережки в ушах довольно приличных размеров, кольца на пальцах, медальон, телефон мобильный на столе... Ну и решил грабануть по-быстрому. Для более или менее ловкого человека влезть в окно не проблема, оно довольно низко от земли. А тетка засопровтивлялась. Сопровтивлялась она, судя по всему, не сильно. Эксперты обнаружили пару небольших, но свежих синяков у нее на плечах, и еще ноготь на одном пальце сломанный, тоже свежий. Видать,

трепыхнулась, руками помахала, а гад этот перепугался и отверткой... Между прочим, ее же собственной отверткой, на ней даже накарябано «каб. хим.». А потом схватил что под рукой оказалось, – телефон, колечки, медальон на цепочке... Цепочку-то явно просто сорвал, на шее след остался. А сережки не тронул, крови на них много было. И сумку с деньгами тоже искать не стал. Сумка в лаборантской лежала. Так что вот такая версия имеется, шибко непроглядная.

– А тетрадь? Конduit Пироговой? Зачем грабителю это понадобилось? – спросил Казик.

– Да просто так взял, проходя...

– Помилуйте, Борис Борисович! На столе ведь много разных тетрадей лежало и учебники тоже. Я собственными глазами видел. А исчезла именно эта тетрадь. Сумку с деньгами грабитель искать не стал, с сережками возиться не захотел, а конduit из груды всякой канцелярщины выудил. Вас это не удивляет?

– Если заикнуться на случайном грабителе, то удивляет. Но я ведь вам не говорил, что собираюсь на нем заикливаться. Кстати, в протоколе записано, что в той тетради содержались предварительные сведения об успеваемости и поведении учеников. Правильно записано?

– Правильно.

– А еще записано, что обнаружила пропажу учительница русского языка и литературы Саранцева Елизавета Максимовна.

– Да, – подтвердил Казик. – Вроде как накануне вечером она видела тетрадь в руках Пироговой.

– Ну и кому это добро могло приглянуться? – задал вопрос Орехов и сам же на него ответил: – Только кому-то из школьничков. Из тех, чьи грехи учительница в своем кондуите зафиксировала. Но тогда ее не просто грабить пришли... Просто грабить бессмысленно. Учителка бы грабителя увидела, а потом со свету сжила. Втихаря красть тоже бессмысленно. У Пироговой, чай, склероза нет, все бы вспомнила, все главные безобразия восстановила. Получается, пришли сначала убить, а потом уже конduit умыкнуть.

– Или немножко не так, – деликатно поправил Казик. – Пришли поговорить, отношения выяснить, а уж потом все так повернулось... Если бы с самого начала было намерение убить, какое-нибудь орудие или оружие с собой прихватили. А тут отвертка, которая случайно попала...

– Значит, вторая версия, – убил кто-то из учеников, вполне возможно, спонтанно, – принял поправку Орехов.

– Хотя странно... – Аркадий Михайлович виновато улыбнулся, вроде как извиняясь за то, что в очередной раз пытается сбить профессионального сыщика с намеченного пути. – Убивать сейчас, пусть даже спонтанно... совершенно не ко времени...

– Что значит не ко времени? – не понял майор.

– Видите ли, Галина Антоновна предварительно записывала в тетрадку всякие оценки, в том числе двойки, по поведению или из-за плохо выученных уроков... Скажу вам как преподаватель: я понимаю, если бы сейчас был конец учебного года. Или хотя бы полугодия. Тогда – да! Эти оценки имели бы принципиальное значение. Но сейчас только конец сентября! Что такого принципиального могло произойти в самом начале учебного года, чтобы это нельзя было исправить?! Ума не приложу!

– Так ведь спонтанно... – напомнил Орехов, без всякой, впрочем, уверенности.

Аркадий Михайлович неопределенно пожал плечами.

– Есть третья версия, – переключился майор. – Дети совсем ни при чем, а при чем взрослые. И, скорее всего, из учителей. А кто бы еще догадался выключить свет в кабинете, в коридоре, да еще и дверь в отсек прикрыть, чтобы не насторожить охрану? И все эти исчезнувшие побрякушки с тетрадочками – просто для отвода глаз. Только на вопрос: кому и зачем нужна была смерть Пироговой – даже предположительного ответа нет, – признался он. – И нет никакого ясного ответа, как убийца мог незамеченным пройти в кабинет химии и так же незаме-

ченным оттуда выйти. Потому что откуда бы вы ни пошли, вы все равно попадетесь на глаза охране.

– Один момент, – перебил Казик. – В самом отсеке, в коридоре, я заметил железную дверь. Она прямиком ведет на улицу. А рядом с отсеком, из общего коридора, есть дверь на этажи.

– Пустое! – отмахнулся Орехов. – Обе двери заперты, причем основательно, ими никто не пользуется. Железная дверь – это пожарный выход. А вторая дверь ведет не на этажи, а только на второй этаж, прямиком в комнату отдыха директора. Но она этим ходом не пользуется.

– Но ключи-то ведь имеются?

– Имеются. У охраны и в сейфе у Роговой есть связка ключей от всех дверей и всех помещений. Но эти ключи в полном наличии, все проверено. И двери проверены. Если вы думаете, их кто-то пытался вскрыть, так ничего подобного. Единственное место, откуда можно незаметно проникнуть в пристройку, минуя пост охраны, – из кабинета труда, этой самой технологии. Но учитель труда покинул школу примерно в половине пятого вечера, это подтвердили охранники, они с ним парой слов перекинулись.

– А вы уверены, что охранники были столь бдительны? Все-таки школа, много народа...

– К восьми вечера основной народ рассасывается. И вообще, судя по тому, что нарыли ребята из райотдела, вчера вечером в школе особая жизнь не кипела. – Орехов залез в сумку, вытащил оттуда бумаги, принялся шелестеть листами. – Вот, пожалуйста. После девяти в школе работали четыре уборщицы. Плюс учительница математики Павлова, бабулька божий одуванчик, которая вела дополнительные занятия для пяти десятиклассников, они к какой-то олимпиаде готовились. Плюс завуч Борзенков, тоже старикан, у него был кружок истории, собралось девять ребят. Плюс учительница рисования Чижова, на сей раз совершеннейшая девица, с тремя восьмиклассниками рисовала общешкольную газету. Плюс учитель физкультуры Гриневич, молодой мужик, проводил занятия в тренажерном зале. Мышцы у него качали семь парней. Вот и все.

– А может, охранники все же отвлеклись? Кого-то не заметили – кто пришел, ушел, прошел?.. Причем необязательно, чтобы человек находился в школе, мог и с улицы зайти. Вряд ли они в столь тихое время у входа, как постовые, стояли? У них там рядом комната отдыха, я видел. А в комнате диванчик, телевизор... – упорствовал Казик.

– Клянутся и божатся, что глаз не спускали. Особенно по части тех, кто с улицы. Утверждают, никто в школу не заходил.

– Ну... клятвы – это дело такое... – хмыкнул Казик. – Охранникам теперь только клясться и остается.

– Экий вы подозрительный, – неожиданно взял сторону охранников Орехов. – А ребята, между прочим, одну интересную деталь зафиксировали. По большому счету, самую интересную деталь.

Майор умолк, посмотрел многозначительно.

Аркадий Михайлович заерзал на стуле.

– Ну?

Орехов держал паузу, и Казик произнес с укором:

– Борис Борисыч, голубчик, с каких пор вас на театральность стало тянуть?

– С вас беру пример, – довольно ехидно заметил майор и продолжил, вроде как делая одолжение: – Охранники сказали, что в десятом часу, как раз недавно начались по телевизору «Вести», из школы вышел учитель физкультуры Владимир Николаевич Гриневич. В тренировочном костюме, без куртки или еще какой-нибудь верхней одежды. А минут через двадцать вернулся, причем вид имел странный, вроде как не совсем в себе был. Двое мальчишек, которые в тренажерном зале занимались, сообщили следователю, что учителю пару раз звонили на мобильный телефон, причем с перерывом буквально в несколько секунд. После второго звонка

Гриневич сказал: «Я скоро буду» – и тут же из зала исчез. То есть исчез он из зала и из школы примерно в то самое время, когда убили Пирогову. Как вы считаете, для физрука добежать до пристройки, влезть в окно, пристукнуть учительницу и вернуться – это сложно?

– В принципе просто.

– Двадцати минут хватит?

– Вполне. А отпечатки пальцев ваши эксперты не проверили?

– Отпечатки... – вздохнул Орехов. – Их и на раме оконной, и на подоконнике столько, что выбирай на вкус. А физрук... Вы его не видели?

– Нет.

– Из бывших гимнастов, мастер спорта, между прочим. Им, гимнастам, что через коня перепрыгнуть, что на брусья взлететь, что через подоконник перемахнуть – запросто. Даже цепляться особо не надо. Опять же вполне мог каким-нибудь носовым платком воспользоваться, чтобы не наследить.

– А что говорит сам Гриневич? Полагаю, Горбунов с ним пообщался?

– Само собой. Только Гриневич ему явно врать пытался. Заявил, что захотел пить, выбежал к киоску рядом со школой воды купить. А у киоска вдруг сообразил, что деньги забыл. Семен Семенович его тут же поймал: до киоска спокойным шагом дойти три минуты, обратно – столько же, ну, пусть на скорбные мысли по поводу отсутствия денег еще три минуты набросить, а остальное-то время где дорогой товарищ был? И с чего его так сильно жажда обуяла после телефонного разговора?

– И как Гриневич отреагировал?

– Снова врать начал. Дескать, звонили ему по личным делам, отношения эти звонки ни к чему не имеют, а отсутствовал лишние десятков минут потому, что на улице охлаждался. Вроде в зале душно, а на улице свежо.

– Интересно... – проговорил Аркадий Михайлович. – Уж больно неловко врет.

– Так не всем удастся так ловко врать, как это вы умеете, – то ли похвалил, то ли осудил майор.

Ушел Орехов довольно поздно. На прощание сказал:

– Вот что, Казик. Обычно вы сами во все лезете, а тут я вас хочу попросить: у вас там в школе свои дела, конечно, сейчас они могут притормозиться, но вы уж постарайтесь в школе малость потолкаться, может, чего разнюхаете... Я ведь, по большому счету, даже представить себе не могу: зачем – понимаете, зачем? – понадобилось убивать Пирогову. Причем не на темной улице, не в подворотне, не в подъезде, а именно в школе? Ну кому простая учителька могла уж так дорогу перейти? И если ее не какой-нибудь случайный придурок угробил, то концы в школе и надо искать. Что-то в этой образцовой гимназии не то и не так... Только мне в этом разобраться сложно, эта гимназия – как закрытый элитный клуб, не просунешься. А вам сподручнее. В конце концов, вас же туда этим самым морально-психологическим климатом заниматься позвали.

– Я постараюсь, – пообещал Аркадий Михайлович и подумал: как все-таки хорошо, что уехала Софочка. Ей бы это очередное расследование в очередной раз не понравилось. Причем отнюдь не меньше, чем замена капустных котлет и обезжиренного йогурта на свиные отбивные и кремный торт.

Глава 4

– Так, говорите, вчера вы ушли из школы где-то в половине пятого? – уточнил Семен Семенович Горбунов.

– Да, – подтвердил Андрей Васильевич Качарин. – Можете справиться у охранника Григория, мы с ним еще парой слов перекинулись.

– Ну-ну... – Следователь посмотрел на учителя труда своими усмешливыми глазами. Серьезный голос и такой вот отнюдь не серьезный взгляд сбивал с толку многих, однако Качарин не сбился.

– Вам что-то кажется странным? – спросил он спокойно, даже равнодушно.

– По моей информации, вы обычно покидаете школу позже всех. Сидите здесь чуть не до ночи. – Горбунов с интересом оглядел комнату с большим самодельным столом, старым диванчиком, стеллажами со всевозможными болванками, деталями, приспособлениями, всем тем, что в любой момент может понадобиться мастерскому человеку. – Почему так, можно поинтересоваться?

Андрей Васильевич крутанулся на вертящемся стуле, скользнул взором по своему обиталищу – привычному, устроенному на свой лад и для своего удобства, и сказал:

– Можно. Только к заботам вашим это отношения не имеет. Но если любопытствуете... – Следователь явно любопытствовал, и Качарин продолжил: – Я живу со стариками родителями в панельной хрущевке, в двухкомнатной квартире со смежными комнатами. Мои старики глуховаты, а по вечерам любят смотреть все новости по телевизору, громкость включают на полную мощь. А мне шума-гама и в школе хватает... Так вот я здесь по вечерам сижу в тиши, своими делами занимаюсь и домой обычно прихожу около одиннадцати, когда новости заканчиваются.

– И все?

Андрей Васильевич пожал плечами. Дескать, если для вас это не объяснение, то ничего другого предложено не будет.

Конечно, он несколько недоговаривал. Хотя многие в школе вполне могли «договорить». Ведь сообщили же о его привычке засиживаться допоздна. Но и тут на откровенном вранье следователь бы его не поймал. Сказано же: «Своими делами занимаюсь». А эти самые дела – они, что называется, в русле прямой профессиональной принадлежности.

Андрей Васильевич был не только учителем труда, заведующим мастерской, где пацанов, нацеленных работать исключительно головой, учили хоть немного работать еще и руками, но также человеком, который считался совершенно незаменимым, когда в школе требовалось что-то отремонтировать, отладить, привести в порядок. За дополнительные услуги ему приплачивали, однако и эти выплаты, и учительская зарплата были лишь частью его дохода. Качарин, редкостный умелец-универсал, активно брал сторонние заказы, в том числе и от сотрудников гимназии. Цену назначал умеренную, а ремонтировал, отлаживал и приводил в порядок с максимальным качеством. Школьная мастерская, которую за пятнадцать лет своего учительства Андрей Васильевич умудрился не только сохранить, но и дополнительно оснастить, была исключительно подходящим местом для внеурочных занятий – никто не мешает и все необходимое оборудование, детали, прилады под рукой.

– Вообще-то я вас понимаю. Сам живу в двухкомнатной квартирешке с женой и близнецами, правда, комнаты отдельные, – вздохнул Горбунов. – Иногда тоже хочется куда-нибудь в угол забиться, чтобы никого не слышать и не видеть. – И тут же усмехнулся: – Но у меня единственное такое место – камера предварительного заключения.

– Нет, – поводит рукой в пространстве Качарин, – у меня все же лучше.

– По сравнению с камерой... оно, конечно, – согласился следователь и двинулся на выход.

Около самого порога притормозил, обернулся, спросил вроде бы серьезно и одновременно с улыбочкой:

– А вчера вы чего вдруг расписание свое нарушили?

– Вчера у меня была встреча с приятелем. Хотите, назову его фамилию, имя, отчество и телефон?

Горбунов пару секунд поразмышлял и произнес:

– Сейчас, пожалуй, не стоит.

И скрылся за дверью.

Андрей Васильевич посмотрел следователю вслед и подумал: как вовремя он договорился с приятелем о встрече. А ведь не очень-то хотел, в последний момент даже вознамерился все переиграть, остаться в своем убежище и заняться починкой Зойкиного утюга. Этот утюг стоил очень приличных денег, но при этом прослужил чуть больше гарантийного года, после чего отказался нагреваться даже до температуры парного молока.

К Зойке, то бишь Зое Ивановне Ляховой, в прошлом метательнице дисков, а ныне преподавательнице физкультуры, Качарин относился с симпатией. Крепкая, с накачанными руками, бойкая и громкоголосая, она была простая, искренняя и напрочь лишенная всяких выкрутасов. С коллегами не интриговала, перед начальством не выслуживалась, с ребятней управлялась, как образцовый батяка-сержант с новобранцами. Временами ее упрекали в излишней прямооте и грубоватости, на что та неизменно отвечала: «Нечего носорога бальным танцам учить». Носорогом она называла себя, прекрасно зная, что за глаза ее многие, в том числе гимназисты, кличут просто Зойкой, но она не обижалась. «Па-а-думаешь, – говорила, – женщина я молодая, без навеличиваний обойдусь. Вон Капитолину Кондратьевну все Капитошей зовут, и ничего, а ей уже государство несколько лет пенсию платит».

Вчера Зойка забежала к Качарину со своим утюгом днем и тут же принялась одновременно браниться по поводу хваленного германского качества и жаловаться по поводу невыглаженных брюк мужа. Качарин посочувствовал и обещал сделать побыстрее (если, конечно, германское качество хоть как-то подлежит восстановлению), но только на следующий день, поскольку намерен из школы уйти пораньше. Зойка поохала-поахала, а потом, как всегда, нашла выход, заявив, что отправит мужа на работу в джинсах, чай, завод – это вам не какой-нибудь дипломатический корпус.

За починку утюга Андрей Васильевич намеревался взяться сегодня сразу после второй пары, но не получилось – убийство Пироговой напрочь порушило и общешкольное, и личное расписание, к тому же следователь явился. Хорошо еще, ненадолго задержался...

Качарин посмотрел на часы, прикинул, успеет ли разобраться с утюгом до конца Зойкиных уроков, и принялся копать в нехитром приборе. Починил он его минут за пять – поломка оказалась ерундовой: контакт отошел. Потом сообразил, что по случаю общешкольной трагедии уроки сегодня отменили, и Зойка вполне могла уйти домой. Качарин вытащил мобильный телефон и набрал номер Ляховой.

– Ой, Василич! Спасибо тебе мое огромное! – пророкотала в трубке Зойка. – Я к тебе подбегу! Только... – она понизила голос, – Володьку дождусь. Его сейчас допрашивают. Он ведь вчера вечером с пацанами в тренажерке торчал, вот чего-то и выпытывают.

Володькой для нее был учитель физкультуры Владимир Николаевич Гриневич.

– Ко мне тоже следователь заглядывал, спрашивал, почему я раньше, чем обычно, вчера из школы ушел, – поделился Качарин.

– Во дают! – свистящим шепотом возмутилась Зойка. – Одного трясут – почему ушел, другого – почему остался. Лучше бы выясняли, на кой ляд Пирогова кому-то понадобилась.

– Видать, понадобилась, – философски изрек Качарин и нажал клавишу отбоя.

Затем подошел к окну, раздвинул плотные жалюзи, приоткрыл форточку и закурил.

Из окна хорошо просматривалась стена пристройки, где до недавнего времени обитала Галина Антоновна Пирогова, вечно запертая дверь запасного выхода и асфальтовый «пятячок» – любимое место сборища грешащих табаком школьников. Курить на территории школы запрещалось, но запрет постоянно нарушался, и начальство это знало. Однако закрывало глаза, прекрасно сознавая, что реально ничего сделать не сможет. Ну, одного застукаешь, другого... Ничего, кроме скандалов, не получится, а зачем в образцовой гимназии скандалы? Уж пусть лучше тусуются на незаметных чужому глазу задворках.

На «пятячке» стояла и дымила тонкой сигаретой первая школьная красавица Лина Томашевская. Лицо ее было напряженным, взгляд время от времени метался в разные стороны, и Качарин подумал, что девушка, похоже, кого-то ждет, только никак не может определиться, правильное ли она выбрала место ожидания.

«Интересно, – прикинул Андрей Васильевич, – где ее неизменная “тень”, этот долговязый Мухин?»

Валеру Мухина Качарин считал славным парнем и потому ему сочувствовал. Ну зачем он нужен этой красотке, дочке богатого папы, девице очень неглупой и при этом какой-то такой... словно сделанной из фрагментов глянцевого журнала?

Она требовала, чтобы все ее звали исключительно Линой, хотя однажды, причем совершенно случайно, Качарин узнал, что настоящее имя Томашевской – Алевтина. Ну вот захотелось так родителям, нашли имечко, причем не лишнее модности, а дочка воспротивилась. По идее ничего особенного, однако Андрея Васильевича именно это и зацепило.

...Та девушка тоже требовала, чтобы ее звали исключительно Ирой. И никаких производных! Андрею было все равно – хоть Ирой, хоть Феклой, хоть Офелией.

Он учился в Академгородке, на геологическом факультете университета, специализировался на минералогии и готовился делать диплом в академической лаборатории, где выращивали искусственные изумруды и рубины.

Она училась в том же университете на гуманитарном факультете и собиралась писать диплом по чему-то там из области контрпропаганды.

Познакомились они в комитете комсомола, куда Андрей захаживал крайне редко по причине отсутствия у него какой-либо значимой общественной должности, требующей регулярного посещения главного комсомольского штаба. Он вообще никогда не ходил в активистах «передового отряда советской молодежи», хотя числился в некоей факультетской то ли комиссии, то ли подкомиссии, чье название он постоянно забывал. Держать эту информацию в памяти он не считал нужным – в конце концов, почти каждый студент обязан был где-то «состоять», и этого, подчас совершенно формального, признака было вполне достаточно, дабы не слыть идеологическим балластом.

В тот раз он явился в комитет по персональному приглашению замсекретаря по научной работе Сазонова, старшекурсника с физфака, который прославился в школьные годы победой на всесибирской олимпиаде по физике, но впоследствии предпочел заниматься исследовательской деятельностью исключительно в русле общественной работы.

У стола Сазонова сидела девушка. Поначалу Качарин увидел только ее спину, кофейного цвета волосы и округлые плечи. А затем она повернулась и поднялась со стула – высокая, стройная, с пышной грудью и... зелеными, прямо-таки изумрудными, глазами.

Андрей посмотрел в эти глаза, и ему показалось, что он рухнул в густую, налитую соком траву, какая бывает лишь в июне, – не выжженную солнцем, не иссушенную ветром, прохладную и мягкую.

Такого с ним еще никогда не случалось. Он даже представить себе не мог, что *такое* вообще способно было случиться с ним, спокойным практичным парнем, который никогда не

обмирал при виде девушек и, уже познав прелести плотской любви, считал, что секс хорош сам по себе и отнюдь не нуждается в особом душевном сопровождении.

Впрочем, о сексе он в данный момент не думал. Он, кажется, вообще на какое-то мгновение утратил всякую способность к мыслительному процессу – просто стоял истуканом и глядел в зеленые глаза. А зеленые глаза прямо, почти не моргая, смотрели на него, и в них ничего не отражалось, кроме серьезности.

– Меня зовут Ирой, – произнесла девушка и протянула руку.

– Ириной? – без всякой надобности, исключительно для того, чтобы хоть как-то выдать из себя первое слово, переспросил Качарин.

– Просто Ирой. По-другому мне не нравится, – строго сказала она.

– Понятно. А я Андрей. – И пожал крепкую ладонь.

– Тут, значит, дело одно выплыло, – вклинился Сазонов. – Ребята с гумфака узнали, что в институте геологии есть лаборатория по выращиванию драгоценных камней. Пришли в комитет комсомола с просьбой: нельзя ли экскурсию организовать? Я, конечно, мог бы напрямую к вашему декану обратиться, он ведь еще и в институте работает, наверняка комсомолу бы не отказал. Но ваш факультетский секретарь просветил, что ты в лаборатории – свой человек. Вот и решили в качестве общественной нагрузки поручить это тебе. Берешься?

Андрей вовсе не считал себя «своим человеком». Более того, знал: завлаб экскурсии в свою вотчину не жалуется, считая, что интерес к драгоценностям лучше удовлетворять в каком-нибудь ювелирном магазине, а не в научной лаборатории. Однако Ира смотрела на Качарина выжидательно – вот этими самыми изумрудными глазами, – и Андрей кивнул, дескать, договорится и организует. Уж коли комитет комсомола поручает...

Завлаб его, конечно, отчитал по полной программе и поначалу отказал, а потом все же смилостивился – уж больно просил парень за студентов-гуманитариев, как за родных радел.

Ира привела с собой человек пятнадцать, исключительно девиц, которые смотрели на искусственные изумруды и рубины горящими взорами, всячески заигрывали с молодыми сотрудникам и явно рассчитывали, что им подарят хоть по самому крошечному камешку. Разумеется, им никто ничего дарить не стал, и они покинули лабораторию с тяжелыми завистливыми вздохами.

В отличие от своих сокурсниц Ира не вздыхала, но взор ее тоже горел, и Андрей, уже на выходе, сказал:

– А у тебя глаза все равно красивее этих камней.

И предложил сходить в кафе.

Она пожалала своими округлыми плечами и согласилась.

Первое время он постоянно пытался найти какое-нибудь разумное объяснение, почему мысленно разговаривает с ней с утра до ночи, потом видит ее во сне, а просыпаясь, снова начинает день словами: «Здравствуй, Ира». Ему очень хотелось найти это самое разумное объяснение, но оно никак не находилось, и Андрей вынужден был признать совершенно очевидную истину: он влюбился. Влюбился так сильно, так глубоко и так неотвратимо, что все остальное стало казаться слабым, мелким и проходящим.

Андрей охаживал Иру месяца четыре. Они гуляли по улицам, ходили в кино, сидели в кафе, иногда у нее в общежитии... Ему давно все было понятно про самого себя, но он пока мало что понимал про Иру, про ее чувства и оттого робел, не отваживаясь даже на легкий поцелуй.

Но однажды все же решился, в весеннем академгородковском лесу, и вдруг оказалось, что никто не умеет целоваться так сладко, так неистово, так всепоглощающе, как Ира. И еще, оказалось, он сильно переоценил себя, свою выдержку, которая от этой сладости, неистовства и всепоглощения вдруг треснула, разорвалась, выплеснув то, что никак не позволительно было выплескивать именно сейчас. Андрей резко отпрянул, безумно испугавшись, что Ира сейчас

все поймет, и ему придется оправдываться, но она не поняла или сделала вид, что не поняла, потянулась к нему снова, и он обхватил руками ее тело и губами ее губы.

А еще через две недели случилось то, о чем он мечтал последние месяцы. Родители Андрея уехали на два дня, и он пригласил Иру к себе домой. Им все было ясно с самого начала. Но они тем не менее долго сидели за столом и разговаривали о какой-то ерунде, а потом все же переместились на диван и поначалу тоже просто сидели и разговаривали, не решаясь даже поцеловаться. Андрей окончательно истомился, у него взмокла шея и дрожали руки, и тут Ира произнесла:

– У меня до тебя никого не было. Ты понимаешь, о чем я?

И он, почти так же, как в лесу, безумно испугался. У него тоже до нее никогда не было *такой*. Он не знал, как надо вести себя с девушкой *в первый раз*. Но он знал, что все это совсем не просто и очень ответственно. Особенно с девушкой, которую ты безумно любишь.

– Ты не ожидал? – спросила она напряженно.

– Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, – ответил он.

– Потому что ты будешь первым?

– Нет. Мне это все равно. Но я хочу быть у тебя последним. Я тебя люблю. Я очень сильно тебя люблю. Ты моя первая и последняя любовь. Я это точно знаю.

– Как хорошо, – вздохнула Ира и принялась расстегивать кофточку.

Все получилось не просто хорошо. Все получилось великолепно! И гораздо легче, чем он ожидал. И его страсть, словно устыдившись своей неподконтрольности там, в лесу, дождалась нужного момента, и он рухнул в водоворот этой страсти, увлекая за собой Иру.

Он слышал, что в первый раз женщины не испытывают тех эмоций, о которых мечтает влюбленный мужчина. Но с Ирой это случилось! Так ярко, так искренне, так изумленно, что он буквально воспарил от счастья – именно от счастья, а не от пустой гордости.

Да какая тут гордость?! При чем здесь все эти глупости?! Ира рвалась к нему, Ира сливалась с его телом, Ира забирала его душу и отдавала свою.

– Ты моя первая и последняя любовь... – шептал он.

– Как хорошо, боже, как хорошо... – повторяла она.

Последующие три месяца были для него самыми счастливыми. Оказалось, если двое людей очень хотят, они всегда найдут уединение, даже если приходится жить с родителями и в общаге. Они всегда умудрялись отыскать это уединение и всегда были вознаграждены наслаждением.

Ира была родом с Кузбасса и в конце июня на неделю съездила домой в свой город с забавным названием Топки. Вернулась со словами:

– Я сообщила родителям, что в зимние каникулы выхожу замуж. Они не против, все же пятый курс.

– Тогда я сообщу своим! – обрадовался Андрей.

Они говорили друг с другом о свадьбе, но не уточняли даты, и вот наконец все определилось. Для Андрея это было очень важно именно сейчас, перед тем, как ему предстояло на месяц уехать в Якутию.

До чего ж он не хотел ехать! До чего ж ему не хотелось таскаться по глухомани, где не выращивали драгоценные камни, где не было телефонной связи, но куда руководителю его диплома непременно требовалось затащить Андрея.

Вернулся он прожаренный неистовым солнцем июльской Якутии, изъеденный злобными северными комарами, но вполне счастливый оттого, что разлука позади, а новые блаженные встречи впереди. Он привез Ире подарок – маленький алмаз, под страшным секретом выменянный у местного аборигена, естественно, за водку. Этот алмаз еще следовало ограничить, и тоже в строжайшей тайне, но Андрей верил, что найдет способ и сделает Ире подарок к свадьбе.

Накануне возвращения он послал Ире в общежитие телеграмму. Прилетел вечером, очень надеясь, что она позвонит ему домой. И она позвонила, сказала:

– Андрюша, я тебя завтра жду у себя. Надо поговорить.

Голос у нее был вроде бы и прежний, но не совсем, – какой-то такой... отстраненный, отчего вдруг всякая радость пропала, а вместо нее по сердцу разлилась тревога.

Ира встретила его с улыбкой и даже поцелуем, но тоже каким-то таким... отстраненным. И он совершенно явственно понял, что случилась беда.

– Я не хочу тебя обманывать, – заговорила она спокойно, твердо и веско, как говорила очень часто, но только не с ним, не тогда, когда они говорили *с чувством*. – Я встретила другого мужчину. Он старше меня на семь лет, и он уже кандидат наук. У него прочное положение, и у него большие перспективы. Я не стану тебя убеждать, что люблю его. Нет. Но я тоже хочу, чтобы у меня были большие перспективы, я никогда не скрывала от тебя, что этого хочу. Я все взвесила и решила: любовь – любовью, а жизнь – жизнью. И если ты намерен чего-то серьезного добиться, лучше начинать все строить на крепком фундаменте.

Она объясняла и объясняла – как опытный и терпеливый преподаватель туго соображающему студенту – про фундамент, про перспективы, про необходимость идти на жертвы ради цели, про чувства, которые проходят, про уверенность в здравомыслии Андрея и про многое-многое другое, что представлялось ей разумным и единственно возможным.

В какой-то момент он просто отключился, а когда «включился», наткнулся на ее настоженные глаза, похожие уже не на изумруды, а на болотную тину...

Несколько дней он тупо пролежал на диване, ничего не видя, никого не слыша, никак не воспринимая попытки родителей хоть немного его расшевелить. А потом вдруг ожил, вскипел, взорвался изнутри и ринулся в бой.

Он вылавливал ее в общежитии, в университете и на улице... Он негодовал, умолял и унижался... Он готов был на все, но только ради нее...

Она не убегала, не пряталась, не возмущалась. Она, как и в первый раз, говорила спокойно, твердо, веско. Но он ничего не хотел воспринимать...

Однажды, уже по зиме, он подловил ее с новым женихом. Ему очень хотелось этого жениха удавить, и, возможно, он даже попытался бы это сделать, но Ира, крепко ухватив своего нового избранника за локоть, произнесла:

– Андрей! Я когда-то относилась к тебе очень хорошо. – Она не сказала: «любила». – Но сегодня ты не вызываешь у меня ничего, кроме презрения. Вот именно так. Я презираю тебя, Андрей. И мне очень неприятно, когда ты появляешься на моем пути. Наши пути разные. Они никогда не пересекутся. Запомни это раз и навсегда.

Она смотрела прямо, решительно, и в ее глазах были пропечатаны те самые слова, которые она только что озвучила.

Жених деликатно отвернулся.

В тот день Андрей Качарин впервые напился до беспамьятства.

Наутро его выворачивало наизнанку, всего трясло, перед глазами летали неопознанные объекты, голова разламывалась на мелкие осколки, и родители вызвали «скорую помощь». Его отвезли в больницу, где откачивали несколько суток. Пожилой врач разводил руками:

– Не такая уж у него сильная интоксикация, чтобы чуть не помереть.

Из больницы он вышел другим человеком.

Он больше не любил Иру. Он ее ненавидел. Так сильно, так глубоко и так неотвратимо, что все остальное стало казаться слабым, мелким и проходящим.

Он все же написал диплом и окончил университет. У него была возможность остаться в лаборатории, но он не остался. Для этого пришлось бы работать в Академгородке, а значит, хоть изредка сталкиваться с Ирой.

Он не желал ее видеть. Он не хотел ее знать. Он не хотел о ней помнить.

Категорически!

Но это его желание оказалось столь же бессильным, как и его разом исчезнувшая любовь.

Он периодически ее видел. Он многое о ней знал. Он всегда ее помнил.

У него были женщины, но он так и не смог создать свою семью и полюбить кого-то другого.

Он был у Иры первым мужчиной, а она оказалась его последней любовью.

Он поступил на работу в геологическую партию и много колесил в экспедициях. Потом, в девяностых, когда нефтяники с газовиками пошли в гору, а геологи – под гору, все бросил и устроился учителем труда в гимназию. Не самое это было доходное место, но с детьми он ладил, а главное – получил возможность заниматься тем, что умел делать особо хорошо и что обеспечивало ему вполне сытую жизнь. Золотые руки Качарина очень ценились...

Зойка залетела в комнату, как всегда, с громким топотом. Обычно ее поступь была слышна далеко на подходах, но, задумавшись, Качарин обнаружил физкультурницу только тогда, когда она с грохотом распахнула дверь – вполне тихая дверь всегда грохотала под рукой метательницы дисков.

– Василич, спасибочки! Сколько я тебе должна?

– Пятьдесят рублей. – Качарин протянул утюг.

– Спятил, что ли?! – не поверила Зойка.

– Да тут работы почти никакой. – Совсем бесплатно Качарин не делал ничего. Из принципа. – Считай, полтинник просто за срочность.

– Ну, спасибочки! – повторила Зойка, протянула деньги, чмокнула мастера в щеку. – Тогда я побежала!

– Стой! – хватанул Качарин крепкую Зойкину руку. – Что там у Володи?

– Что-что! – Крепкая рука мгновенно стала каменной, а добродушный голос – злым. – Сама пока не знаю! Володька от следака выполз мрачный, аж жуть! Ждет меня в тренерской. Сейчас я его до дома провожу и все разузнаю.

Андрей Васильевич усмехнулся. Провожание Гриневича будет как всегда означать, что тот повезет на своих «жигулях» Зойку до ее собственного дома.

Он вновь придвинулся к окну, вытащил очередную сигарету и принялся вертеть ее в пальцах, решая: закурить или все же малость обождать, дать передышку легким. Затем прикинул, что одной больше, одной меньше, уже не суть важно, и щелкнул дешевой зажигалкой. В этот момент из-за пристройки появились физкультурники и направились, минуя «пяточек», в дальний угол школьного двора, где Гриневич оставлял свою машину. Володя шел, хмуро глядя себе под ноги, а Зойка топала рядом, возбужденно уставившись в его профиль и шевеля губами. Они даже внимания не обратили на Лину Томашевскую, все так же продолжавшую кого-то поджидать на «пяточке», однако Лина обратила на себя внимание сама.

– Здравствуйте! – произнесла она громко и при этом посмотрела на парочку с любопытством.

– Здравствуй, – обернулась Ляхова.

Гриневич лишь покосился на девушку и кивнул. Он явно не был расположен даже к краткому общению.

Лина проводила взглядом спины физкультурников, тоже вытащила новую сигаретку, и тут из-за угла основного здания вынырнул Мухин.

– Ты чего на звонки не отвечаешь?! – заорал он. – Я тебя ищу, звоню!..

– У меня, наверное, звук был отключен, – даже не удосужившись вытащить и проверить телефон, отозвалась Лина, бросила на асфальт незажженную сигарету и лениво командовала: – Пошли уж...

– Дурень, – тихо произнес Качарин. – Попьет эта фифа твоей крови.

Он плотно закрыл форточку, с силой задвинул жалюзи, сел за стол и вытащил старую магнитолау, которую ему всучила соседка по подъезду.

По-хорошему, этот образец еще советской радиоэлектроники давно следовало бы выбросить, но соседка была старой, и с ее пенсией только и оставалось, что надеяться на умелые руки Андрея Васильевича да на его запасливость – в каком сейчас магазине купишь «дореволюционные» детали?

Качарин повздыхал, прикидывая нерентабельность собственной работы (много ли способна заплатить старуха?) и сознавая, что никто другой за этот хлам не возьмется, а соседку жаль.

Он вытащил отвертку, намереваясь приступить к вскрытию почти мертвого «тела», и в этот момент дверь распахнулась – без Зойкиного грохота, но как-то очень по-хозяйски.

На пороге стояла Рогова.

За все девять лет своего директорства она только трижды осчастливила своим посещением мастерскую (причем последние два раза в связи с просветительской экскурсией для чиновников от образования) и лишь однажды (в первые дни своей работы) – для непосредственного общения с учителем труда.

По-хорошему, при появлении начальственной дамы Качарину следовало бы встать, однако он ограничился лишь тем, что кивком указал Роговой на стул. Кира Анатольевна коротко обозрела весьма потрепанное сиденье и величественно отмахнулась, приняв ту самую позу, какую всегда принимала, выступая на совещаниях, собраниях и официальных встречах, – спина прямая, грудь слегка вперед, подбородок чуть вздернут, взгляд прямой и решительный.

В такие мгновения она вызывала у Качарина глухую злость. Конечно, свою злость он не демонстрировал, вернее, демонстрировал, но по-своему – становился непроницаемым и нестигаемым, говорил каменным голосом, смотрел прямо в зрачки и на все реагировал с умопомрачительным спокойствием. Не человек, а робот, причем самим собой же сконструированный.

Качарина так и подмывало спросить: чего вдруг столь высокая гостя пожаловала в его скромную обитель, – но удержался, не спросил и со своего места не поднялся. В конце концов, он стул предложил, она отказалась, предпочитая взирать на него сверху вниз, и это ее дело.

– Андрей Васильевич, – произнесла Рогова строго, – вы вчера вечером не возвращались в школу?

– Я ушел в районе половины пятого. Между прочим, с вами встретился во дворе.

– Я помню. Но, может, после?..

– Намекаете, что только из моего кабинета можно пройти в пристройку, минуя охрану?

– Я намекаю совсем на другое, Андрей Васильевич, – поджала губы Рогова. – У вас могли быть клиенты.

– Клиенты?

– Перестаньте! – отрезала директор. – Неужели вы полагаете, что я не в курсе ваших занятий? Я в курсе всего, что происходит в гимназии! Я прекрасно знаю, что вы используете школьное помещение и школьное оборудование для своих личных целей. Если хотите, для своего частного предпринимательства! И периодически вам приносят заказы прямо сюда. И вы именно здесь, непосредственно в гимназии, встречаетесь со своими клиентами!

– Я несколько не сомневаюсь, Кира Анатольевна, – заговорил Качарин тем самым каменным голосом, – что вы в курсе всего. Вы также в курсе, что на существующую зарплату вам трудно найти хорошего учителя труда, который, ко всему прочему, будет поддерживать на высоком уровне имеющееся в мастерской оборудование, а сегодня это очень ценится у руководства системы образования. Кроме того, на существующую зарплату вам трудно найти человека, который на высоком уровне будет поддерживать все прочее школьное оборудование, мебель и так далее. Вы в курсе, – заявил он с холодной наглостью, – что избавиться от меня, равно как и найти мне соответствующую замену, очень трудно, иначе вы бы это давно сделали.

И потому вы терпите мое, как вы изволили выразиться, частное предпринимательство, которое еще ни разу и ничем не навредило школе.

– Да, я терплю! – налилась гневом Рогова. – Я понимаю, что вам нужен дополнительный заработок! Но я не намерена мириться с появлением в гимназии всяких непонятных личностей, обвешанных сломанными чайниками!

– Вы преувеличиваете, – позволил себе усмешку Качарин.

– В каком смысле?

– В смысле количества чайников.

– Демонстрируете чувство юмора? – тоже позволила себе усмешку, причем весьма ядовитую, Рогова, и Качарин вдруг почувствовал, что устал. От ее вида, от ее тона, от всего этого короткого противного разговора.

Он понимал, чего директриса боится, и не испытывал никакого сочувствия – ни к ней самой, ни к Галине Антоновне Пироговой, противной, в сущности, бабе, которую терпеть не могла подавляющая часть ее учеников.

– Меня не было вчера вечером в школе, и у меня не было никаких посторонних клиентов, – сказал Андрей Васильевич. – И никому из них Пирогова не нужна.

– Я очень надеюсь, – сдержанно произнесла Рогова, – что ваших клиентов в обозримом будущем и не будет. Пока идет следствие, никто из нас не вправе допустить ни одного сомнительного действия. В конце концов, вы работаете здесь пятнадцать лет, и вам не может быть безразлична репутация нашей гимназии.

«Ваша личная репутация! – брезгливо подумал Качарин. – Плевать я на нее хотел!»

Глава 5

Только в кабинете Кира Анатольевна позволила себе «расслабить лицо», выплеснув злость.

Уже много лет она знала за собой эту особенность: в печали и радости, разочаровании и воодушевлении, при самых разных наигранных и вполне естественных эмоциях ее округлое холеное лицо розовело, глаза блестели, а губы наливались соком. Но только искренняя злость портила лицо начисто. Оно покрывалось сизыми разводами, глаза западали и тускнели, вокруг рта образовывались кривые морщины.

В злости Кира Анатольевна мгновенно старела и дурнела, а потому позволяла себе подобные чувства обычно только наедине с самой собой.

Качарин ее обозлил. Вроде бы ничего сверхъестественного не было в их разговоре. По крайней мере, ничего такого, чтобы выходило за всякие рамки. Но ощущение у Роговой осталось, будто этот мужик оплевал ее со всех сторон, да еще платок предложил утереться.

Какая изощренная наглость!

Она еще тогда, девять лет назад, когда стала директором, поняла, что с этим человеком работать ей будет трудно. Хотя, казалось бы, кто он такой? Учитель труда! Самый ненужный из педагогов! В глубине души Кира Анатольевна никак не могла уразуметь, зачем мальчикам из Двдцдтой гимназии строгать доски, сколачивать табуретки, точить какие-то детали и заниматься прочей ерундой, пригодной для профтехучилища, но никак не для «продвинутого» учебного заведения, где каждый год вызревали победители всевозможных олимпиад, научно-практических конференций, конкурсов и интеллектуальных игр. Понятно еще с «Домоводством» – почти любой девочке пригодится умение печь торты, вязать на спицах и хоть немного шить на машинке. Но кому нужны самодельные табуретки? Да никому! Однако школьная программа требовала «трудового обучения», и с этим приходилось мириться.

Мириться с Качариным было гораздо сложнее. Обычно сама Кира Анатольевна устанавливала с подчиненными нужную дистанцию, а тут эту самую дистанцию установил Качарин. С директором держался холодно, отстраненно, без малейших намеков на почтение и приличествующее внимание, при этом был всегда корректен, но как-то так, что Роговой всегда казалось, будто в душе он над ней насмехается.

По-хорошему от него следовало избавиться с самого начала. Но, во-первых, Кира Анатольевна прекрасно понимала, что Двдцдтая гимназия – это устоявшийся коллектив с традициями и репутацией, где любые «революции», всякие там «танцы с саблями» чреватые серьезными осложнениями. А во-вторых, у нее не было ни малейшего повода увольнять учителя труда. Ни дети, ни родители, ни педагоги на него никогда не жаловались, учебную программу он выполнял образцово, спиртным не баловался, трудовую дисциплину не нарушал. Это ж вам не какая-нибудь частная школа, где хочу – принимаю на работу, а хочу – пинком под зад. Это муниципальная гимназия, и здесь все должно быть по правилам и по законам.

При этом Качарин умудрился поставить себя в положение человека вроде бы почти незаметного, но совершенно незаменимого. В большом школьном хозяйстве регулярно что-то ломалось, выходило из строя, и только Качарин мог все наладить быстро и качественно. Любая другая наемная рабсила, к которой пыталась время от времени прибегнуть директор, не выдерживала никакого сравнения, зато деньги тянула и нервы выматывала.

Конечно, имелся крючок, на который можно было подцепить «трудовика», – это его сторонние ремонтные делишки. Однако же услугами школьного «самоделкина» пользовались чуть ли не все учителя, да и впрямь, где на школьную зарплату найдешь еще такого мастера-вого?

Но то, что он вот так прямо заявлял директору, дескать, замену мне не найдешь, общешься, и при этом держался, словно кум королю, злило ужасно.

Кира Анатольевна подошла к зеркалу, посмотрела на свое разом постаревшее и подурневшее лицо и аж передернулась. И подумала, что вчера ее лицо было отнюдь не лучше. Вот именно тогда, когда она разговаривала с Галиной Антоновной Пироговой.

Ей пришлось сообщить следователю об этом разговоре. Хотя очень не хотелось. Однако прикинула: пусть мобильный телефон Пироговой пропал, однако полиция наверняка попросит распечатки звонков у телефонной компании и выяснит, что незадолго до смерти Галине Антоновне звонили с домашнего телефона Киры Анатольевны, причем беседа состоялась отнюдь не минутная.

Господи, кто такой Качарин по сравнению с Пироговой?!

Именно учительница химии, с ее упрямством, самоуверенностью, твердой убежденностью в непогрешимости собственных педагогических принципов, выпила из директора литры крови.

Да, она была хорошим предметником – никто не спорит. И те гимназисты, кто впоследствии выбирали себе стезю Менделеева, вспоминали науку Галины Антоновны с благодарностью. Только таких в Девятой гимназии насчитывались почему-то единицы. Впрочем, чему удивляться? Пирогова так свирепствовала на своих уроках, так безжалостно засыпала учеников «двойками» за малейшее незнание или крошечную провинность, что практически у всех вызывала нелюбовь к своей любимой химии. Ни на кого так часто не жаловались директору родители, как на Галину Антоновну. И ни с кем директор не проводила столько много соответствующих бесед, сколько с Пироговой.

Однако все было впустую. Учительница, которую все дети звали не иначе, как химозой, железно стояла на своем. Гимназисты обязаны усердно изучать предмет, вовремя и точно выполнять домашние задания, образцово вести себя на уроках, а те, кто не хотят соответствовать этому правилу, будут иметь «двойки». Пересдавать «неуды» она не позволяла, требования предъявляла высокие и никаких отговорок не принимала.

Она пришла в гимназию, которая в ту пору называлась школой с углубленным изучением английского языка, сразу после института, проработала здесь тридцать лет, и никому из директоров «сковырнуть» ее не удавалось. На все претензии она имела четкие ответы и министерские инструкции, которые не отличались однозначностью, а потому позволяли различные толкования. Эти инструкции Пирогова знала так же хорошо, как свою химию.

Кира Анатольевна, считавшая себя очень умелым руководителем, пыталась зайти с одного бока, с другого, она уговаривала, грозила, однако неизменно слышала: «Вы хотите, чтобы я нарушала свои служебные обязанности?»

Конечно, в особых случаях директору удавалось найти обходные пути, вывести некоторых учеников из-под «пуль» Пироговой, но это требовало такой изворотливости, таких нервов, что Рогова буквально дни считала, когда сможет отправить Галину Антоновну на пенсию. До этого счастливого момента оставалось три года.

Да, Кира Анатольевна могла встать несокрушимым бастионом, но это тоже следовало делать в самом начале. Как и с Качариным. Потому что потом... Потом она могла только уговаривать, высказывать претензии, однако же в полной мере употребить власть не осмеливалась. Должок за ней числился.

Рогова не раз проклинала тот выпускной вечер, семь лет назад, когда трое выпускников гимназии, образцовые мальчики, сыновья образцовых родителей, по дури своей юношеской вляпались в отвратительнейшую историю, грозившую закончиться если не тюрьмой, то, без сомнения, очень плохими последствиями. Эта разгоряченная вином троица, не имея водительских прав, угнала чужой автомобиль и сбила прохожего. К счастью, не до смерти, только до

перелома ноги, однако и этого уже было достаточно, если учесть, что бросивших на дороге человека угонщиков почти сразу задержал патруль ДПС.

Родители тут же кинулись к Кире Анатольевне. Они оказались на редкость сообразительными, учли, что та директорствует всего два года, еще окончательно не зарекомендовала себя как руководитель, а гимназия престижная, желающих занять здесь начальственное кресло много, и потому Роговой никак не нужен большой скандал, который непременно поднимется по той простой причине, что самое захватывающее – это искать пятна на солнце.

Кира Анатольевна тоже оказалась сообразительной, быстро просчитала все отвратительные последствия и, в свою очередь, кинулась к Галине Антоновне – сестре заместителя начальника областной ГИБДД.

Разговор вышел тяжелый и унижительный. Кира Анатольевна не просто просила – умоляла, и Пирогова соизволила отступить от своих принципов. Попросила брата, и дело удалось замять.

В последующие годы Галина Антоновна ни словом не поминала ту историю, однако Кира Анатольевна всегда знала: при необходимости упомянет, ткнет в нос, выставит человеком, покрывающим отвратительные безобразия.

Такого Рогова позволить не могла, а потому учительницу химии терпела.

Однако именно вчера это терпение если не лопнуло окончательно, то весьма основательно треснуло.

После совещания в мэрии Киру Анатольевну задержал начальник департамента образования Валеев. Провел в кабинет и без всяких прелюдий спросил:

– Вы вообще-то управляете своим коллективом или так, видимость создаете?

Рогова опешила.

– Что у вас происходит с вашим преподавателем химии Пироговой Галиной Антоновной?

– А что вы имеете в виду? – напряженно осведомилась Кира Анатольевна.

– В данном случае я имею в виду ее недавнее заявление двум девятиклассникам о том, что им уже сейчас следует присматривать себе другую, более простую школу, поскольку в десятом классе вашей гимназии они учиться не будут по причине низкой успеваемости по химии. Заявлено это было публично и – подчеркиваю! – в начале учебного года! То есть уже сейчас, в сентябре, преподаватель твердо решил, что к концу мая ребята получат плохие оценки по ее предмету. И как прикажете понимать подобную предвзятость?

– Ну-у... – Кира Анатольевна выдавила кислую улыбку. – Галина Антоновна у нас, конечно, человек специфический, однако она наверняка не говорила это всерьез... Просто попыталась неудачно простимулировать ребят к хорошей учебе...

– Вот как?! – Лицо Валеева налилось гневом, аж пухлые «хомячковые» щеки вздулись. – Методы, значит, у нее такие специфические? Разговоры не серьезные? Стимулы оригинальные? А мы вот, в департаменте, это плохо понимаем. А мэр, тот и вовсе не понимает. Категорически! И когда ему отец одного из мальчиков в дружеской, – слово «дружеской» Валеев произнес с нажимом, – беседе поведал про заявление вашей Пироговой, мэр был сильно возмущен и приказал разобраться!

У Киры Анатольевны мгновенно закаменело внутри все, что могло закаменеть, в том числе горло, через которое она с трудом выдавила:

– Я... сама... разберусь... и вам... доложу... Это... действительно... недопустимый... поступок...

И тут же «камень» принялся трещать, крошиться, обваливаться под натиском растревоженных, взбудоражившихся мыслей: «Друг мэра – это кто? Его сын в девятом классе? Почему я не знаю?» Подобное незнание было еще более недопустимым, чем поступки Пироговой. Рогова всегда знала, у кого какие родители, и подобную информацию считала наиважнейшей.

– Вы можете мне сообщить фамилии учеников? – произнесла она все еще скованным, но уже близким к нормальному голосом.

– Могу. Это Крыжаполов и... – Валеев метнул взгляд на листок, лежащий сверху объемистой стопки бумаг, – Уткин.

По тому, как он сверялся с простой фамилией и при этом четко, по памяти, не запинаясь о буквы, выговорил сложную, Рогова сразу догадалась, что друг мэра – и есть папаша Крыжаполов. Кто бы мог подумать? Крыжаполова-младшего она никак не могла вспомнить в лицо, хотя всех «соответствующих» детей знала с первого класса.

«Хомячковые» щечки Валеева вернулись в исходное положение, гневливый взгляд несколько потух, и Кира Анатольевна, издав неслышный вздох облегчения, заявила уверенно:

– Я обязательно все выясню и накажу преподавателя. Дабы ничего подобного впредь не происходило. Хотя... – добавила она с легким укором, – если бы родители сразу обратились ко мне, не было бы нужды беспокоить ни мэра, ни вас.

И тут случилось то, чего Рогова не ожидала никак. Валеев посмотрел на нее долгим въедливым взглядом, угрожающе нахмурился и заговорил таким тоном, каким в кино изображают прокуроров, обвиняющих самых лютых врагов народа:

– Вы все выясните и накажите? Замечательно! Вы хотите, чтобы родители со своими жалобами ограничились исключительно вашим кабинетом? Великолепно! Вы думаете, я ничего не знаю о тех фокусах, которые ваша Пирогова творит на протяжении долгого времени? Ошибаетесь! Я много чего знаю! В том числе и то, что вы элементарно попустительствуете учительнице химии! Или не в состоянии с ней сладить! Или...

Он говорил и говорил, словно по физиономии Киру Анатольевну хлестал. Начальник департамента образования получил хорошую взбучку от мэра и теперь всю отыгрывался на директоре школы. Он хорошо подготовился к этому «отыгрышу», забрасывая Рогову примерами «фокусов», фактами попустительства и обвинениями в плохом руководстве. А та стояла и даже слова не могла вставить, потому что Валеев при каждой подобной попытке рычал:

– Меня не интересуют ваши отговорки!

Из начальственного кабинета Кира Анатольевна не просто вышла, а почти выползла с полным ощущением, словно только что выбралась из-под асфальтового катка. Такого с ней не случилось уже давным-давно.

«Ему бы не образованием командовать, а разведротой. Но у кого, у кого он или его люди все вывели? Кто мог ему все донести? Кто из наших?» – натужно соображала она, стараясь не думать о Галине Антоновне, по крайней мере до того момента, как доберется до своей квартиры, где, слава богу, сейчас нет никого из домашних.

Ее выдержки хватило ровно до порога. И прямо в прихожей из нее хлынула бешеная злость. Но это уже ничего не значило – никто не видел ее вмиг постаревшего и подурневшего лица. Она начала судорожно искать в записной книжке номер мобильного телефона Пироговой, нашла его не с первого раза, потом опять же не с первого раза попала в нужные кнопки, и, наконец, услышала спокойный голос Галины Антоновны...

– Если я вас правильно понял, в мэрии вам высказали серьезные замечания в адрес Пироговой? – уточнил следователь.

– Именно так, – подтвердила Рогова, решив, что, если следователь вознамерится выйти на Валеева, тот вряд ли станет живописать, какой разнос он учинил. Поэтому пусть будут «замечания» – близко к истине, но без нюансов.

– А вы уже из дома позвонили Пироговой?

– Я сочла необходимым передать ей свою беседу с начальником департамента, что называется, по горячим следам.

– И какова была ее реакция?

– Увы... – директор тяжело вздохнула. – Галина Антоновна всегда плохо воспринимала критику.

– Вы повздорили?

– Вздорят, – с достоинством ответствовала Рогова, – извините, на базаре. А у нас состоялся разговор. Да, весьма неприятный. Не буду скрывать, на повышенных тонах. Не стану утверждать, что мы расставили все точки над «і». Но мы договорились все обсудить самым серьезнейшим образом на следующий день, то есть сегодня. Мне очень жаль, – Кира Анатольевна вновь вздохнула, – что наше последнее общение было весьма неприятным. Вряд ли то, что случилось вчера в мэрии, имеет отношение к смерти Галины Антоновны, но я сочла необходимым вам сообщить. Полагаю, я поступила верно?

– Как, говорите, фамилии тех пацанов из девятого класса? – ответил вопросом на вопрос Горбунов.

– Уткин и Крыжаполов. Только вы учтите, – напомнила Рогова, – что, судя по всему, отец последнего в дружеских отношениях с мэром.

– Мэра я ни в чем не подозреваю, – усмехнулся следователь.

Глава 6

Из своих 26 лет почти половину жизни Лиза Саранцева была связана с одной школой. Здесь она училась с первого класса, сюда же ее пригласили через два года после окончания педуниверситета на работу, явно дав понять: подобное приглашение – знак особого доверия и приверженности традициям. Под традициями понималось то, что из каких стен вышла в те и вернулась. И подразумевалось, что молодой педагог никак не вправе посрамить родное заведение.

– Подавляющее большинство наших выпускников – успешные люди, а некоторые становятся наставниками следующих поколений наших учеников, – заявила однажды на обще-школьном собрании директор, указав на Саранцеву.

Трех других учителей, также выпестованных в родном гнезде, Кира Анатольевна в разное время уже приводила в пример.

Вообще-то в Двдцатую гимназию Лиза попала по воле обстоятельств. Ее родители были инженерами-наладчиками на заводе, который в 90-е годы купила компания, занимающаяся газовым оборудованием. Родители считались хорошими спецами, на предприятии их оставили, но новые условия работы вынудили их месяцами трудиться «вахтовым методом» далеко от родного города. На это время дочку переселяли к бабушке.

Когда настал срок идти в первый класс, на семейном совете решили: школу надо выбирать рядом с бабушкиной квартирой, поскольку мотаться на другой конец города, где обитали Саранцевы, крайне неудобно. Опять же и школа поблизости была не абы какая, а очень даже хорошая, туда многие стремились, но попасть могли либо по месту жительства, то есть согласно прописке, либо по благу. Никакого блага в самой школе Саранцевы не имели. А прописку в бабушкиной квартире сделали.

Лиза оказалась самой маленькой в классе, что и следовало ожидать. Она почти всегда и везде была самой маленькой. Вот такой уродилась – Дюймовочкой с нежным точеным личиком, белокурыми волосиками, голубыми глазками, маленьким вздернутым носиком и аккуратным ротиком.

Первого сентября она стояла в шеренге первоклашек с пышным бантом, который лишь немногим уступал размерам ее головы, и букетом из трех гладиолусов, которые почему-то считались наиболее приличествующими подобному случаю. Гладиолусы были высокими, сочными, и всю торжественную линейку Лиза боялась, что не справится с их тяжестью. Она очень старалась, чтобы букет возвышался с надлежащей горделивостью, но руки немели, и цветы постоянно норовили упереться своими тугими острями в асфальт.

Вот именно эту борьбу с непременным атрибутом первого сентября Лиза и запомнила лучше всего. А еще слова неизвестной женщины, произнесенные с умилением и сочувствием: «Надо же, какая куколка! А ведь вырастет, и куда все денется?»

Но ничего никуда не делось. Лиза выросла лишь до метра пятидесяти пяти, сохранив ту же кукольную внешность – личико, волосики, глазки, носик, ротик... И даже фигурка была кукольная – округлая попка, округлая грудка, тоненькая талия. Как сказала ей однажды университетская подруга (в полном соответствии с модой высокая, худая и плоская со всех сторон): «Тебя, Лизок, можно на сервант поставить вместо статуэтки».

До того как стать учительницей, к своей внешности Лиза относилась весьма благо-склонно. Но после...

«К сожалению, вы не производите впечатление педагога, – заявила ей директор школы, куда она пришла сразу после педуниверситета. – Я понимаю, вам трудно изменить облик, но тогда вы должны выработать определенную манеру поведения. Иначе у вас возникнут проблемы с учащимися».

Проблемы конечно же возникли. Парни пытались с ней заигрывать, девчонки хихикали, в школьной столовой ее пару раз нагло вытолкнули из очереди, спутав со старшеклассницей.

И тогда Лиза за себя взялась. Светлые волосы она зачесала назад и стянула в узел, овальные очки заменила на прямоугольные стеклышки, одеваться стала строго и вести себя начала с подчеркнутым достоинством. При этом ей хватило ума понять, что внешние преобразования (не слишком, прямо скажем, впечатляющие) не создадут ей авторитет, если не удастся стать по-настоящему хорошим педагогом. К исходу второго года работы она уже считалась очень перспективным специалистом, а победа в конкурсе «Лучший молодой учитель» оказалась исключительно приятной, хотя и несколько неожиданной.

С Роговой Лиза знакома не была – она окончила гимназию за месяц до прихода нового директора. Но большинство педагогов знала прекрасно, и это ее несколько смущало. Трудно ощутить себя полноправным коллегой среди тех, кто еще относительно недавно ставил тебе оценки в дневник.

Кира Анатольевна несказанно изумилась, когда на предложение перейти работать в Двадцатую гимназию Лиза ответила, что подумает.

– Н-да?.. – хмыкнула Рогова и дала на раздумья три дня.

Лизе хватило и двух. Потому как на следующий день она случайно встретила на улице Пирогову.

С Галиной Антоновной у Лизы всегда были отношения, которые принято называть «ровными». По химии она имела твердую четверку, заработанную не талантом и интересом к предмету, а усидчивостью, ответственностью и обязательностью. То есть теми качествами, которые Пирогова считала достойной заменой и таланту, и интересу. В своем легендарном кондуите учительница химии никогда не ставила против фамилии Саранцевой замечания, что уже можно было расценить как большую похвалу.

– Я слышала, тебя пригласили к нам на работу, – с ходу заявила Пирогова.

– От кого слышали? – удивилась Лиза столь быстро разлетевшейся информации.

– Естественно, от Капитолины Кондратьевны, – произнесла Галина Антоновна таким тоном, словно это было озвучено во всех телевизионных новостях, причем на всех каналах. – Она же всегда все и обо всем знает. Капитолина Кондратьевна с ее исключительной осведомленностью – это же почти символ нашей гимназии. Или... – Пирогова криво усмехнулась, – клеймо.

– Так она по-прежнему работает?

По Лизиним прикидкам, Капитоша уже несколько лет как могла позволить себе заслуженный отдых. Опять же Лизе всегда казалось, что новая метла по-новому метет, выметая в первую очередь секретаря прежнего директора.

– А что ей станется? Выглядит прекрасно, чувствует себя замечательно, начальству, как обычно, предана, а Рогова – умная женщина, понимает, что такого вездесущего секретаря она себе сроду не найдет. Так ты идешь к нам на работу?

– Я думаю... – призналась Лиза. – У меня сомнения...

– Что?! Сомнения?

Прозвучало это примерно так же, как на уроке, когда Галина Антоновна спрашивала какого-нибудь нерадивого: «Ты не знаешь точной формулировки? Ты не успел как следует подготовиться?» А дальше неизменно следовал вердикт: «Садись. Два».

Лизе на мгновение показалось, будто сейчас именно это она и услышит: ей полагается двойка, причем по поведению, потому что она не просто неразумная, но еще и неблагодарная.

Про двойку и про «неблагодарную» Пирогова, разумеется, ничего не сказала, но по поводу неразумности выразилась весьма пространно и, как всегда, непререкаемо. А в заключение добавила, что лично она готова до конца жизни служить родной гимназии.

Кто бы мог предположить, что этот самый конец наступит так скоро и так отвратительно?

Лиза только дважды сталкивалась со смертью – четыре года назад, когда умерла бабушка, и сейчас, когда убили Галину Антоновну. При виде мертвой бабушки Лиза искренне плакала. При виде мертвой учительницы искренне изумлялась: кто? как? зачем?

Конечно, в ней была жалость к Пироговой, но изумления все же было больше. А вот страха не было вовсе.

...В прихожей зазвонил телефон. Лиза отставила в сторону тарелку с жареными цыплячьими крылышками, которые она ела исключительно руками, и побежала к раковине мыть промасленные пальцы. Ну не пачкать же жиром трубку?

На помывку у нее ушли секунды, однако Зое Ляховой, вероятно, показалось, что миновала вечность.

– Ты чего так долго не подходишь?! – проорала она.

– Руки я мыла. А ты что кричишь? – укорила Лиза.

– Я?! Кричу?! – поразилась Зойка. – Да ничего подобного! Ты же знаешь, у меня голос такой. Ты с мое покомандуй в спортзале! Это тебе не стихи про любовь нежным голосом читать.

– Ладно, – в тему стихов Лиза углубляться не стала, – ты что звонишь?

– Надо срочно встретиться, – мгновенно перешла на шепот Зойка. – Я к тебе могу домой приехать? Ты одна?

– Одна. А что случилось?

– Все объясню при встрече, – с непонятной суровостью пообещала Ляхова. – Диктуй адрес.

Нельзя сказать, чтобы они дружили или хотя бы приятельствовали – просто, как принято говорить, состояли в добрых отношениях, которые никогда не выходили за рамки школьного общения. А потому и этот звонок, и этот визит вызвали у Лизы недоумение. С чего бы вдруг?..

Зойка, скинув туфли, с ходу протопала на кухню и уселась за стол.

– Есть хочешь? – проявила гостеприимство Лиза.

– Ни есть, ни пить не хочу. Поговорить хочу.

Вид у Ляховой при этом был такой, что Лиза тут же принялась убирать тарелки с остатками еды – настолько ей собственный ужин показался неуместным.

– Не колготись! – приказала Зойка, и Лиза послушно села. – Просьба к тебе есть. Володи Гриневича касается.

Вот как раз с Гриневичем Ляхова по-настоящему дружила, и вся школа это знала. Порой кое-кто подтрунивал, что зря Зойка рано вышла замуж и нарожала двух детей, надо было Володю дожидаться, а то он так и помрет холостяком. Зойка на это лишь лениво отмахивалась, дескать, Гриневич ей как младший брат и вообще не в ее вкусе, да и она не в его вкусе, так что муж не только не ревнует, но и вовсе привечает.

– Ты, конечно, можешь отказаться, – мрачно разрешила Зойка, – но тогда мне идти больше не к кому. А Володя тоже ни к кому не пойдет, потому что... идиот с принципами, – с досадой подытожила она.

– Так что случилось? – мгновенно стала серьезной Лиза. В конце концов, к Володе она относилась хорошо, а то, что Зойка назвала своего друга идиотом, означало: просьба будет непустяшная.

– Ты Гриневичу звонила вчера вечером на мобильник? – задала встречный вопрос Ляхова.

– Да. Мои соседи, родители Мухина, своего Валерку потеряли. Он телефон дома забыл, но вроде бы собирался вечером в школу в тренажерный зал. Вот они меня и попросили тренеру позвонить, они его номер не знали, да и неудобно им было. Я набрала Володю, тот мне ответил, что Валеры в зале нет. Вот и все.

– Замечательно. Тут мне Гриневич не соврал, – удовлетворенно потерла свои крепкие ладони Зойка. – Но вот тебе соврать придется. Если, конечно, согласишься. – Она посмотрела с надеждой.

– В каком смысле? – не поняла Лиза.

– В самом прямом. – Теперь Ляхова уже посмотрела почти умоляюще, но через секунду набычилась, заговорила сердито: – Понимаешь, полицейские сегодня Володьку трясли. Он ведь вчера в школе был, когда химозу убили. Но это ладно, не один он в школе околачивался. Только полицейские разузнали, что Володька из школы линял, а потом снова появился, но не слишком в себе. Так вот эти стражи порядка подозревают, что Володька мог в открытое окно к химозе влезть, ее там пристукнуть, а потом – назад.

– Чушь какая! – возмутилась Лиза.

– Это для тебя – чушь, для меня – совершеннейшая чушь, а для стражей – совсем даже нет.

– А что Володя?

– Всякую лабуду нес. Вроде как пить захотел, к киоску поперся, да деньги забыл, на улице свежим воздухом дышал... Полицейские его жалкую дребедень быстро растрясли.

– А при чем здесь мой звонок?

– Твой – ни при чем. Только в звонке все и дело. Мне-то Володька врать не стал, хотя и всей правды, паразит, – Зойка горестно вздохнула, – не сказал. Там, понимаешь, вот что получилось. Сначала позвонила ты. А следом за тобой еще один человек позвонил и Володьку на разговор вызвал. Вот с этим человеком он и трепался на улице.

– Так это Володя и должен был полицейским рассказать. – Лиза недоуменно пожала плечами. – Зачем огород городить с киосками всякими да деньгами, когда все так просто?

– Должен был! – едва ли не взревела Ляхова. – Но не хочет! Уперся, гад! Даже мне не колетса, кто ему мозги компостировал! Вроде как это никого не касается, отношение ни к чему не имеет и тому подобное. Стражи его прессовали, я его прессовала, а он ни в какую!

– Может, – осторожно предположила Лиза, – это что-то очень личное?.. Может, женщина?

– Женщина?! – зашлась сатанинским смехом Зойка. – Сейчас умру от хохота! Чего ему от меня бабу скрывать?! С какой такой дури?! Я что, баб его никогда не видела?! – И тут же стала серьезной. – Нет, это что-то другое. Но идея с женщиной самая подходящая. Я сама об этом с ходу подумала, потому и к тебе явилась. Не догадываешься, куда клоню?

– Не догадываюсь, – призналась Лиза.

– Тогда слушай. – Зойка навалилась на стол, придвинула свое лицо к Лизиному, зашептала жарко: – Я тебя прошу: скажи, что это ты Володьку на свиданку вытащила. Вроде как объясниться хотела... в неформальной обстановке...

– По поводу чего объясниться? – прошептала в ответ Лиза.

– Ну ты даешь! – Ляхова отпрянула. – По поводу любви! Вроде как равнодушна ты к Володьке, а он не замечает. Вот тебя вдруг и приперло. Ну, бывает же такое? Вдруг окончательно нахлынет, и надо действовать. Немедленно! Вот ты и вызвала Володьку на разговор. А он мужик порядочный, не стал тебя закладывать. Полицейские ведь копаться бы стали – что да как. А он не захотел им правду выкладывать. Девичья честь и все такое...

– Зоя, ты с ума сошла! – оторопела Лиза. – Ты предлагаешь мне выставить себя влюбленной дурочкой?

– Да-а?! – вновь взревела Зойка. – А Володька шибко умным был, когда в твой первый год работы за тебя вступился?! Забыла, как те обалдуи из десятого класса тебя травили?! Разве что за задницу не щипали и всякие сальности болтали? А Володька тебя пожалел, пацанов тех в спортзал загнал и объяснил по-серьезному, что еще раз к тебе сунутся, он им морды начистит. И начистил бы, Володька свое слово держит. А, между прочим, двое из той оравы сынками

сильно крутых папаш были. И через такое объяснение с мордами директриса Володьку махом бы из гимназии выперла, причем с волчьим билетом. А тебя никто не выгонит. Ты девица свободная, он парень тоже свободный, ну, посплетничают малость... Так ведь это ж ерунда. В любви обвинить – это ж не в убийстве! Или ты думаешь, Володька и впрямь химозу на тот свет отправил?

– Что ты! – совершенно искренне воскликнула Лиза. – Я совсем так не думаю! Я думаю, Володя очень хороший человек...

– Ну и?.. – Зойка в упор уставилась в Лизины глаза, аж в зрачки впиалась.

– Я согласна, – тихо проговорила Лиза.

– Молодец! – с облегчением выдохнула Ляхова. – Теперь пойду Володьку трамбовать.

Глава 7

Володя Гриневич никогда не ругался с Зоей Ляховой и даже голоса на нее ни разу не повысил. Она – да, могла, и повыситься, и превыситься, но никакой ругани это не означало, просто манеры у Зойки были такие.

Однако на сей раз Володя выдал подруге по полной программе. А в ответ получил сверх всякой программы – слова «идиот» и «кретин» в Зойкином лексиконе были едва ли не самыми ласковыми. Под конец никаких слов ей уже не хватило, и она от всего сердца двинула своей мощной дискобольной рукой Володю в грудь, отчего в изрядно накаченной груди мастера спорта по гимнастике чуть ли не вмятина образовалась.

– Ты спятила?! – опешил Гриневич, распрямляя мышцы.

– Это ты спятил! – констатировала Ляхова, потирая кулак.

Физическое воздействие, нелепое до смешного, вдруг разом охладило эмоции, и оба тут же успокоились.

– У тебя нет другого варианта, – веско заявила Зойка. – Ты самый подозрительный, полицейские будут тебя плющить. И что-нибудь обязательно придумают, им ведь обязательно надо кого-то найти.

– Можно подумать, они всегда и всех находят, – буркнул Володя, прекрасно понимая, что Зойка, конечно, права: здесь случай особый.

Убийство в школе – это раз. Убийство в *такой* школе – это два. Убийство сестры замначальника ГИБДД, пусть даже и бывшего, – это три. Мало того, что Рогова полгорода на уши поставит, так еще и гибэдэдэшники наверняка подключатся. Поэтому работать полиция станет во всю силу и, если реального убийцу не найдет, то постарается кого-то на эту плачевную роль назначить. А самый подходящий он, Владимир Николаевич Гриневич, простой учитель физкультуры, никакими регалиями и знакомствами не прикрытый, но подозрительный уже тем, что спортсмен. Сколько всяких историй рассказано-перерассказано про спортсменов, которые в преступники подались!

Конечно, он сам виноват. Поперся на допрос, или как это называется, совершенно неподготовленным. Не удосужился поразмыслить, с чего это вдруг к нему интерес проявили. Не соизволил пусть на мгновение прикинуть, что вчерашняя его отлучка из школы может кого-то заинтересовать. Не придумал никакого внятного объяснения.

Но ведь он не знал, что Пирогову убили в то самое время, когда он выходил на улицу. Он вообще не знал, что ее убили вчера вечером, и почему-то решил, что ее убили чуть ли не полчаса назад. Ему ведь никто ничего толком не объяснил заранее. Да и кому было объяснять?

Уроки у него начинались не с утра, а после большой перемены, и на подходе к гимназии на его мобильник позвонила Капитоша, заявила, дескать, ему следует прямиком идти в кабинет литературы, который находится в пристройке. Володя очень удивился, спросил, что случилось, но директорская секретарша поспешно отключилась. В вестибюле толкалась куча народа, в основном гимназисты, которых пытались выпроводить сразу несколько учителей, но ребятня что-то взбудораженно обсуждала и упорно не желала расходиться. Об убийстве Володя услышал сразу с нескольких сторон, но без каких-либо подробностей, отчего удивление от звонка Капитоши переросло в изумление. Вот с этим самым изумлением он и нарисовался в кабинете литературы, где его тут же взял в оборот мужик со странно смешливой физиономией по фамилии Горбунов.

Он сообщил, что в связи с расследованием убийства Галины Антоновны Пироговой намерен выяснить, зачем Гриневич вчера отлучался из тренажерного зала и кто ему звонил по телефону. Наверное, Володе следовало тоже задать хотя бы пару наводящих вопросов, а перво-наперво поинтересоваться, с какой стати его в принципе вызвали на разговор, но он растерялся,

а от растерянности довольно резко заявил, что имел полное право отлучаться, разговаривать по телефону, и никого это не касается. Вот тогда ему и выдали про время, когда была убита Пирогова, и это время подозрительно совпало с Володиным отсутствием в школе. А еще ему вкратце пояснили, каким образом можно было, воспользовавшись открытым окном в кабинете химии, совершить убийство, отчего Володя совершенно опешил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.